ѲЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВОЛКОВЪ

Родился 1729 Года Февраля 9 дня, умеръ Апреля 4 дня 1763 Года.
Желая сохранить память сего мужа, вырѣзалъ я
сїе лица его изображенїе и врученїемъ онаго Николаю
Николаевичу Мотонису и Григорью Васильевичу Козицкому
по завѣщанїю его самаго, любезнаго моего и ихъ друга,
свидѣтельствую искреннюю мою къ нимъ дружбу.
Евграфъ Чемесовъ.

Съ гравюры Чемесова, сдѣланной по портрету, писанному А. Лосенковымъ.

Я-79
БМ VI.8.25

А. А. Ярцевъ.

ОСНОВАНІЕ

и

ОСНОВАТЕЛЬ

РУССКАГО ТЕАТРА

(Ѳ. Г. Волковъ)

9673

Съ портретомъ Волкова, планами «Волковскаго Ярославля» и дома Волкова, видами: Николо-Надѣинской церкви, иконостаса, Царскихъ вратъ (работы Волкова), Полушкиной рощи и Ярославскаго театра.

Изданіе автора

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средств
В. Ж. КУРСАМЪ.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1900

2548/Б.М.
К.З.

Дозволено цензурою. Москва, 28 апрѣля 1900 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ автора.

Стр.

I. Передъ Ярославлемъ 1
II. По поводу біографическихъ свѣдѣній о Волковѣ . 5
III. Волковъ въ Ярославлѣ.—Дѣтскіе годы и ученье . 10
IV. Домъ Волкова въ Ярославлѣ 25
V. Волковъ въ Ярославлѣ.—Основаніе театра 33
VI. Волковъ въ Ярославлѣ.—Основаніе театра 48
VII. Иконостасъ работы Волкова. 65
VIII. Театръ въ Россіи до Волкова 71
IX. Волковъ—придворный актеръ. 82
X. Ѳ. Г. Волковъ, какъ человѣкъ, артистъ и общественный дѣятель.—Значеніе его въ исторіи русскаго театра. 91
XI. Портретъ Волкова въ Демидовскомъ лицеѣ.—Полушкина роща. 100
XII. Волковъ въ ярославской литературѣ 105
XIII. Память о Волковѣ и памятникъ Волкову 110
XIV. Въ ожиданіи будущаго 120
Библіографическія примѣчанія 125

ОТЪ АВТОРА.

Къ юбилейнымъ днямъ русскаго театра и къ чествованію памяти основателя его, Ѳ. Г. Волкова, въ Ярославлѣ, я предполагалъ издать подготовленное мною къ печати историко-біо-библіографическое изслѣдованіе о знаменитомъ ярославцѣ въ связи съ исторіей русской сцены той эпохи. Удержало меня отъ этого желаніе воспользоваться для своей работы и тѣми новыми матеріалами, появленія которыхъ возможно ожидать по случаю юбилея, и я отложилъ выпускъ изданія до времени открытія Волкову памятника въ Ярославлѣ.

Печатаемая теперь книжка представляетъ собою отдѣльное изданіе моей статьи, напечатанной въ „Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ“ 1895—1896 гг. съ значительными дополненіями изъ составленнаго мною біографическаго очерка Волкова (изд. Ф. Павленкова) и съ добавленіемъ новыхъ матеріаловъ.

Въ ней читатели найдутъ очеркъ жизни и дѣятельности Волкова и сводъ всего, что возможно было собрать изъ архивныхъ и литературныхъ матеріаловъ, изъ устныхъ преданій и розысковъ на мѣстѣ о Волковѣ, въ Ярославлѣ, на родинѣ русскаго театра. Такимъ образомъ изданіе это является также и своего рода путеводителемъ по „Волковскому Ярославлю“.

Рисунки сдѣланы по оригиналамъ извѣстнаго фотографа-археолога И. В. Борщевскаго.

Библіографическія примѣчанія напечатаны въ концѣ книги, послѣ текста.

Москва.
28 апрѣля 1900 г.

I.

Передъ Ярославлемъ.

...Дымка предразсвѣтнаго тумана таяла незамѣтно и безслѣдно, ночныя тѣни сползали съ береговъ просыпавшейся Волги. Мѣрно и однообразно громыхая машиной и съ какою-то будто напряженною настойчивостью подвигаясь впередъ, пароходъ глубоко бороздилъ легкую рѣчную зыбь, разведенную утреннимъ вѣтеркомъ.

Въ этомъ большомъ пловучемъ домѣ тоже начиналась жизнь. Ежась отъ сыроватой свѣжести воздуха, пассажиры выползали изъ пароходныхъ нѣдръ на верхнюю палубу, прохаживались, оглядывали мелькавшее прибрежье и толпились все ближе къ носовой части парохода. Глаза устремлялись въ даль,—а тамъ, на лазурномъ фонѣ горизонта, раскинувшись по гористымъ берегамъ, бѣлѣли какія-то каменныя громады.

— Ну, вотъ вамъ и Ярославль-городокъ, Москвы уголокъ! — послышался сзади меня веселый голосъ моего пароходнаго знакомца-спутника. — Вотъ мы и дома, а вы, — милости просимъ, въ нашъ Ярославль.

По пути, переходя плесъ отъ Нижняго до Яро-

славля, я познакомился съ нѣсколькими ярославцами и бесѣдовалъ съ ними не мало объ ихъ родномъ городѣ. Я и прежде бывалъ въ Ярославлѣ и зналъ, что для всякаго, даже и нелюбознательнаго туриста, это одинъ изъ самыхъ интересныхъ приволжскихъ городовъ — по своей старинѣ, особенно рѣзко выраженной въ оригинальной и изящной архитектурѣ церквей, по великолѣпной живописности его набережной. Меня поэтому не удивляли и не казались мнѣ преувеличенными въ устахъ мѣстныхъ патріотовъ ихъ похвалы родимому гнѣзду. Но на этотъ разъ я собирался побывать въ Ярославлѣ съ особенной и исключительной цѣлью: собрать все, что сохранилось тамъ, — въ вещественныхъ ли слѣдахъ, въ устныхъ ли преданіяхъ — объ одномъ изъ знаменитыхъ ярославцевъ, основателѣ русскаго театра и первомъ русскомъ актерѣ, Ѳедорѣ Волковѣ. Правда, надежды мои значительно умѣрялись сознаніемъ того равнодушія русскаго общества къ заслугамъ и памяти своихъ замѣчательныхъ людей, которое столько разъ уже проявляло себя. Помимо этого, мечта найти что-нибудь любопытное для біографіи Волкова охлаждалась и тѣмъ, что попытки такого рода были мнѣ извѣстны и матеріалъ въ Ярославлѣ казался исчерпаннымъ.

Однако, думалось мнѣ, тотъ лишь, кто не ищетъ, ничего не находитъ, — попытаюсь. Если не удастся разыскать ничего новаго, то есть не появлявшагося еще въ историческо-театральной литературѣ, то нельзя ли подробнѣе описать и сохранить отъ исчезновенія, при посредствѣ той же литературы, то старое, о чемъ свѣдѣнія неясны и неточны.

Среди моихъ спутниковъ-ярославцевъ были люди разныхъ слоевъ общества: старожилъ-купецъ, большой любитель старины и просвѣщенія, студенты и преподаватель мѣстнаго лицея, священникъ, нѣсколько другихъ интеллигентныхъ лицъ и въ числѣ ихъ одинъ старый ярославскій театралъ. Когда нашъ общій разговоръ коснулся Волкова, ярославцы стали припоминать о немъ, кто что зналъ, но новаго я ничего не услышалъ, — все говорилось по печатнымъ источникамъ. Оставалось удовольствоваться лишь подтвержденіемъ того, что, домъ въ которомъ жилъ Волковъ, его работы царскія врата въ приходской церкви, роща его отчима Полушкина—существуютъ и доселѣ. Было основаніе думать, что, можетъ быть, удастся опредѣлить и мѣсто, гдѣ стоялъ первый русскій театръ. А купецъ-старожилъ даже такъ порадовалъ меня, что я встрепенулся и преисполнился свѣтлой надеждой. Утѣшая меня по поводу моихъ тщетныхъ разспросовъ о Волковѣ, онъ кстати замѣтилъ: „Навѣрное не знаю, но не разъ слыхалъ я, что у нынѣшняго владѣльца Волковскаго дома хранится что-то старинное, перешедшее къ нему вмѣстѣ съ домомъ. Говорятъ, будто бы остались какія-то бумаги Волкова, да и вещи тоже“.

Какъ тутъ было не обрадоваться... И утромъ, глядя съ парохода на Ярославль, какъ-будто тихо подплывавшій къ намъ, я строилъ планы относительно будущихъ историческихъ находокъ, когда меня окликнулъ тотъ же старый ярославецъ. Онъ былъ въ духѣ и охотно отмѣчалъ мнѣ выдѣлявшіяся мѣста въ прекрасной панорамѣ, развертывавшейся передъ нашими гла-

1*

зами. Я въ первый разъ подъѣзжалъ къ Ярославлю по Волгѣ, съ которой видъ на него очень красивъ, тогда какъ, пріѣхавъ по желѣзной дорогѣ и въѣхавъ даже въ городъ, Ярославля совсѣмъ не видишь.

Мы были близко къ городу, а ближе всего къ намъ, на стрѣлкѣ, образуемой Волгой и впадающей въ нее Которостью, бѣлѣли громадныя зданія Демидовскаго лицея, за ними — златоглавый соборъ, а дальше — весь городъ, съ своею живописною набережною, съ своими многочисленными церквами. Набережная тянулась отъ самой стрѣлки и до конца города. За песчаными отмелями берега подымался крутой откосъ, покрытый яркою зеленью муравы, испещренной въ иныхъ мѣстахъ цвѣтами. Откосъ прорѣзали нѣсколько спусковъ къ рѣкѣ, съ повисшими надъ ними мостами, а верхнюю грань его окаймляла необычайно красивая, изящная и причудливая пестрядь церквей, домовъ и башенъ, узорчато перемѣшивавшихся съ зеленью садовъ и бульваровъ.

Мы шли уже мимо города. Бѣлый лицей, Медвѣжій ровъ, губернаторскій домъ, сѣроватый, съ флагами и гербомъ—остались сзади парохода.

— Вотъ смотрите, — пояснялъ мнѣ ярославецъ, — церковь, первая по береговой линіи, златоглавая, передъ бульваромъ,—это Николо-Надѣинская, гдѣ иконостасъ Волкова. А тамъ, за городомъ, тоже на берегу Волги, видите, лѣсъ—это Полушкина роща.

Я смотрѣлъ на необыкновенную форму угловатой церковной главы, мимо которой мы прошли, смотрѣлъ вдаль, на черную массу лѣса, хребтомъ возвышавшагося надъ рѣкой... Но задумываться было не вре-

мя... Черезъ нѣсколько минутъ пароходъ подходилъ къ пристани, а черезъ четверть часа я уже поднимался по отлогому спуску набережнаго откоса къ мѣстамъ, столь памятнымъ въ исторіи русскаго театра.

II.

По поводу біографическихъ свѣдѣній о Волковѣ.

Основатель русскаго театра, Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, былъ сынъ костромского купца. Въ Костромѣ онъ, надо полагать, и родился (9-го февраля 1729 года), и поэтому родиной его, въ прямомъ смыслѣ слова, слѣдовало бы считать этотъ городъ *). Но обстоятельства жизни тѣсно связали Волкова съ Ярославлемъ, и этотъ городъ сдѣлался его второю родиной и колыбелью русскаго театра. Въ Ярославлѣ—всѣ воспоминанія о дѣтствѣ и юности Волкова, о созданномъ имъ театрѣ, въ Ярославлѣ—первая страница исторіи современнаго намъ русскаго театра. Такъ должно было бы быть, но дѣйствительность бѣднѣе желаній,—Ярославль сохранилъ мало воспоминаній о своемъ знаменитомъ гра-

*) Новиковъ, первый біографъ Волкова, въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ (Спб. 1772. Стр. 32) мѣстомъ рожденія Волкова утвердительно называетъ Кострому. И впослѣдствіи, когда Волковъ занимался торгово-промышленными дѣлами, онъ числился костромскимъ купцомъ, какъ видно изъ упоминаемаго ниже указа Бергъ-Коллегіи. Въ виду этого, нѣтъ основаній называть Ярославль мѣстомъ рожденія Волкова, какъ говорится въ біографическихъ свѣдѣніяхъ извѣстной статьи „О россійскомъ театрѣ“, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1822, № 32; 1823, № 35).

жданинѣ, и первая страница исторіи русскаго театра даетъ скудныя и не во всемъ вѣрныя свѣдѣнія о жизни Волкова въ Ярославлѣ.

Недалеко, сравнительно, ушло наше время отъ тоіі поры, когда Волковъ проводилъ дѣтскіе и юношескіе годы въ Ярославлѣ. Еще ближе къ намъ знаменательная эпоха открытія Ярославскаго театра, пріѣзда Волкова въ Петербургъ по требованію императрицы Елизаветы Петровны, учрежденія русскаго театра и артистическоіі карьеры его основателя. Но, несмотря на это, личность Волкова, его жизнь и дѣятельность рисуются въ томъ полусумракѣ давно прошедшаго, которымъ бываютъ окутаны лица и явленія, хотя и историческія, но или полузабытыя, или полулегендарныя. Свѣдѣнія о Волковѣ такъ скудны, какъ ни объ одномъ изъ выдающихся людей первыхъ лѣтъ Екатерининскаго царствованія.

Какъ это ни странно, но все сложилось неблагопріятно для біографіи Волкова. Онъ самъ не оставилъ послѣ себя ни одноіі строчки—автобіографическоіі или другоіі какоіі - либо. Можетъ быть, преждевременная смерть его была причиноіі этому. Его друзья - писатели, какъ Козицкій и Мотонисъ, не сказали о немъ ничего изъ того, что, конечно, имъ случалось слышать о его жизни. Начальникъ Волкова по театру и поклонникъ его таланта, Сумароковъ, выразилъ печаль свою о смерти Волкова, своего „любезнаго друга“, жалобноіі элегіеіі къ Дмитревскому, но не записалъ ничего фактическаго объ основателѣ русскаго театра. И самъ Дмитревскій, близкій къ Волкову по юношескимъ годамъ, знавшіі всю его біографію, всю исто-

рію Ярославскаго театра,—и тотъ не оставилъ послѣ себя ни одного слова о своемъ знаменитомъ сотоварищѣ. Можетъ быть, Дмитревскій писалъ о Волковѣ въ своей исторіи русскаго театра, но и исторія-то эта одинъ разъ сгорѣла, а другой—исчезла безвозвратно. Какъ-будто какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ памятью Волкова, предавая ее забвенію.

Въ нѣмецкомъ „Извѣстіи о русскихъ писателяхъ“, приписываемомъ Дмитревскому, упоминается о Волковѣ, какъ объ авторѣ нѣсколькихъ стихотвореній и оды „Петръ Великій“. Другимъ же его заслугамъ составитель „Извѣстія“ обѣщаетъ отдать справедливость, когда рѣчь пойдетъ о русскомъ театрѣ, чего, къ сожалѣнію, не произошло [1]).

„Ревнитель русскаго просвѣщенія“, Н. И. Новиковъ, первый даетъ въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ біографическія указанія о Волковѣ. Новиковъ собиралъ свѣдѣнія для своего словаря, какъ онъ самъ говоритъ, изъ „печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извлеченій и словесныхъ преданій“. Источники послѣдняго рода и дали, по всей вѣроятности, Новикову матеріалы для жизнеописанія основателя русскаго театра.

Авторъ словаря, съ глубокимъ уваженіемъ отзывающійся о Волковѣ, врядъ ли зналъ его лично. Онъ могъ видать Волкова въ Москвѣ, куда тотъ пріѣзжалъ для устройства театра (1759 г.) и гдѣ Новиковъ учился въ гимназіи (съ 1758 г.). Онъ могъ встрѣчать Волкова и въ Петербургѣ, гдѣ съ 1762 года онъ служилъ въ Измайловскомъ полку. Но тогда между солдатомъ-юношей, отъ котораго не ждалъ никто его будущей

просвѣтительной дѣятельности, и между прославленнымъ уже актеромъ—не могло существовать общихъ интересовъ, не было и личныхъ столкновеній и бесѣдъ. Да и Новиковъ тогда не думалъ еще о своемъ словарѣ. Слѣдовательно, все сообщенное имъ о Волковѣ онъ записалъ по преданіямъ. Неизвѣстно, насколько старательно собиралъ Новиковъ матеріалы о Волковѣ, всѣ ли возможныя для этого средства онъ исчерпалъ, все ли, что собралъ, записалъ. Преданія, касавшіяся Волкова, тогда были еще очень свѣжи, такъ какъ со времени смерти основателя русскаго театра до выхода въ свѣтъ словаря не прошло и десяти лѣтъ. Надо предполагать, что Новиковъ справлялся о Волковѣ у людей, близко его знавшихъ, такъ какъ сообщенныя имъ данныя цѣнны для біографіи и характеристики перваго русскаго актера. Новиковъ старался отыскать и стихотворенія Волкова, но они къ той порѣ давно уже утратились, и изъ нихъ авторъ словаря по памяти записалъ только одну эпиграмму и начальныя строки двухъ пѣсенъ.

Извѣстіе Новикова послужило первоосновой для всѣхъ послѣдующихъ біографовъ Волкова. Всѣ ошибки, которыя оказались въ свѣдѣніяхъ Новикова, перешли и къ остальнымъ біографамъ Волкова. Къ этимъ ошибкамъ другіе историки русскаго театра присоединили разсказы уже фантастическаго свойства, касающіеся собственно устройства театра въ Ярославлѣ. Лишь черезъ сто лѣтъ послѣ словаря Новикова напечатанъ былъ документъ, проливающій свѣтъ на событія ярославской жизни Волкова. Документъ этотъ чрезвычайно важенъ. Онъ не только, какъ бу-

детъ видно дальше, измѣняетъ ходъ событій по устрой-ству Ярославскаго театра, описанныхъ Новиковымъ и, съ его словъ, другими, но касается и сущности дѣла, ставя Волкова въ иныя, чѣмъ до тѣхъ поръ считали, условія при зарожденіи русскаго театра. Это—указъ изъ Государственной Бергъ-Коллегіи въ Ярославскую Провинціальную канцелярію, касающійся заводскихъ дѣлъ Волкова и его братьевъ *).

Возвращаясь къ характеристикѣ біографическихъ данныхъ о Волковѣ, нельзя не отмѣтить, что и черезъ двадцать лѣтъ послѣ напечатанія этого объясняющаго многое документа, повторяются опровергнутыя имъ старыя ошибки. Біографы Волкова не хотятъ потрудиться надъ изслѣдованіемъ его жизни и дѣятельности, а переписываютъ старое, не вѣдая, что оно уже отчасти исправлено, отчасти уничтожено новымъ [2]).

Я не стану касаться здѣсь всѣхъ недомолвокъ и неточностей въ біографіяхъ Волкова. Но для исторіи

---

*) Указъ этотъ былъ извлеченъ изъ архивовъ и напечатанъ въ „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (1870, №№ 30 и 31) мѣстнымъ историкомъ В. И. Лѣствицынымъ. Полнаго комплекта „Губернскихъ Вѣдомостей“, какъ Ярославскихъ, такъ и многихъ другихъ, къ сожалѣнію, нѣтъ даже въ такихъ нашихъ книгохранилищахъ, какъ Публичная библіотека въ Петербургѣ и библіотеки Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ и Историческаго музея въ Москвѣ, — такъ оказалось по справкамъ. И въ самомъ Ярославлѣ, послѣ тщательныхъ розысковъ, мнѣ пришлось удостовѣриться, что мѣстныхъ „Вѣдомостей“ нѣтъ ни въ редакціи ихъ, ни въ Губернскомъ Статистическомъ комитетѣ, ни въ библіотекѣ мѣстнаго лицея. Отсюда понятно, какъ можетъ быть затруднительно біографу Волкова или историку русскаго театра пользоваться этимъ документомъ. Поэтому указъ этотъ былъ перепечатанъ въ приложеніи къ первому изданію этого очерка въ „Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ“.

основанія русскаго театра важно все, что относится до ярославскаго періода жизни его. Поэтому мнѣ приходится прослѣдить этотъ періодъ и, въ связи со всѣми ранѣе имѣвшимися матеріалами и отысканными мною на мѣстѣ данными, установить событія жизни Волкова въ Ярославлѣ, насколько это теперь возможно. Для будущихъ изслѣдователей-историковъ театра будетъ, такимъ образомъ, обезпечена бо̀льшая или меньшая достовѣрность всего, что касается Волкова по отношенію къ его „второй родинѣ“, — насколько это мнѣ удалось провѣрить на мѣстѣ и по литературнымъ источникамъ.

III.

Волковъ въ Ярославлѣ. — Дѣтскіе годы и ученье.

Вдова костромского купца Григорія Волкова, Матрена Яковлевна, осталась послѣ смерти мужа съ пятью сиротами-мальчиками, старшимъ изъ которыхъ былъ Ѳедоръ, будущій основатель русскаго театра *).

---

*) Родиславскій въ своемъ біографическомъ очеркѣ Волкова („Русскій Вѣстникъ“, 1869, № 6, стр. 545—573) называетъ мать основателя русскаго театра — Маѳою Романовною, заимствуя, повидимому, это имя изъ комедіи князя А. А. Шаховского—„Ѳ. Г. Волковъ или День рожденія русскаго театра“. За Шаховскимъ и Н. И. Куликовъ называетъ тѣмъ же именемъ мать Волкова въ своей комедіи—„Первый русскій актеръ или Предразсудки противъ театра“. Но у Шаховского, вмѣстѣ съ фантазіей въ фабулѣ пьесы, допущены и невѣрныя имена дѣйствующихъ лицъ: такъ, онъ Полушкина называетъ Иваномъ Трофимовичемъ, не только

Дѣти были всѣ приблизительно по-годки. Объ этомъ можно судить по тому, что Ѳедоръ родился въ 1729 году, а въ 1743 году всѣ братья могли „своеручно“ подписаться на дѣловомъ соглашеніи съ своимъ отчимомъ; значитъ, тогда младшему изъ нихъ было лѣтъ около восьми. Слѣдовательно, можно разсчитывать, что они родились въ періодъ 1729 — 1735 гг.; отсюда — приблизительный выводъ о времени смерти отца ихъ, Григорія Волкова, случившейся не ранѣе 1735 года. Такимъ образомъ, Ѳедору Волкову было не меньше шести-семи лѣтъ, когда мать его вышла замужъ за ярославскаго купца Ѳедора Васильевича Полушкина, и онъ вмѣстѣ съ нею и братьями переселился въ Ярославль.

Полушкинъ, когда женился на вдовѣ Волковой, былъ самъ вдовцомъ и человѣкомъ уже очень пожилымъ,—лѣтъ около шестидесяти [3]). Весьма возможно, что возрастъ его и былъ причиною того, что онъ рѣшился вступить въ бракъ со вдовою, имѣвшею цѣлую кучу дѣтей отъ перваго мужа. Какое приданое принесла съ собою Волкова Полушкину,—неизвѣстно; но у дѣтей ея, какъ увидимъ дальше, были деньги, вѣроятно, наслѣдственныя отъ отца. Очень возможно, что у Матрены Яковлевны осталось что-нибудь отъ перваго мужа, и не въ разсчетѣ-ли на эти средства Полушкинъ въ 1736—1737 гг. основалъ сѣрные и купоросные заводы въ компаніи съ купцомъ Шабунинымъ.

вопреки неизвѣстному тогда для Шаховского указу Бергъ-Коллегіи, но и вопреки извѣстному для драматурга біографическому словарю Новикова. Имя Матрены Яковлевны упоминается въ указѣ.

Относительно достатковъ самого Полушкина трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Онъ имѣлъ каменный домъ, лавки и „довольное число пожитковъ“, а затѣмъ — сѣрные и купоросные заводы. Фамилія Полушкиныхъ принадлежала къ числу извѣстныхъ въ Ярославлѣ по торгово-промышленнымъ дѣламъ. Но все это не даетъ указаній на то, насколько былъ богатъ отчимъ Волковыхъ.

Ярославль, какъ передаточный пунктъ для товаровъ, ввозимыхъ въ Россію черезъ Архангельскій портъ, какъ приволжская пристань, и при томъ на главномъ пути въ Сибирь, славился своею торговлею, и у ярославскихъ купцовъ были крупные торговые обороты съ иностранными фирмами. Производилъ ли въ данное время Полушкинъ торговлю съ чужеземцами, ни откуда не видно, и вообще надо полагать,—онъ былъ купцомъ средняго капитала, а, можетъ быть, дѣла его клонились даже и къ упадку. Заводы, близъ Ярославля и на Унжѣ, близъ Макарьевскаго монастыря, онъ открылъ въ компаніи съ Шабунинымъ, какъ будто у него одного не хватало на это денежной силы. Тутъ, впрочемъ, могло быть и другое соображеніе: Полушкинъ былъ уже старъ и не легко ему было слѣдить за сложнымъ заводскимъ „произвожденіемъ“. Когда въ 1741 году Шабунинъ вышелъ изъ компаніи по заводскому дѣлу, вмѣсто него вступилъ Иванъ Мякушкинъ, а когда и этотъ, въ 1743 году, долженъ былъ, „за совершеннымъ его неимуществомъ“, оставить товарищество,—Полушкинъ нашелъ себѣ помощниковъ въ своемъ же домѣ. „Для лучшаго заводскаго произвожденія и государственной прибыли, для

смотрѣнія надъ работными людьми", принялъ Полушкинъ къ себѣ „въ товарищи" пасынковъ своихъ: Ѳедора, Алексѣя, Гаврилу, Ивана и Григорія Волковыхъ. Братья, какъ показывалъ потомъ одинъ изъ нихъ, внесли Полушкину на веденіе дѣла полторы тысячи рублей, а онъ, въ обезпеченіе денегъ, заложилъ имъ свой дворъ. Въ награду же за ихъ труды по заводу, Полушкинъ выразилъ согласіе отдавать имъ половину прибыли отъ заводскаго дѣла, а впослѣдствіи, „по усмотрѣнію" глядя, оставить имъ въ наслѣдство четвертую часть своего имущества.

Приходится предполагать, что всѣ пятеро Волковыхъ должны были оффиціально вступить въ компанію съ Полушкинымъ, такъ какъ, въ виду ихъ малолѣтства, наслѣдственныя отъ отца деньги были у нихъ нераздѣльны. Но старшій изъ нихъ, Ѳедоръ, которому тогда было около четырнадцати лѣтъ, могъ уже принимать и дѣйствительное участіе въ заводскомъ дѣлѣ. Оно такъ и было, и впослѣдствіи одинъ изъ братьевъ Волковыхъ не безъ основанія утверждалъ, что старшій изъ нихъ, Ѳедоръ, только одинъ зналъ всѣ заводскія дѣла. Бергъ-Коллегія, вѣроятно, и усматривала извѣстную фиктивность въ сдѣлкѣ Полушкина съ пасынками и, разрѣшая ее, предписывала Волковымъ — „тѣ купоросные и сѣрные заводы производить съ прилежнымъ радѣніемъ, а не для одного только вида, чтобы заводчикомъ слыть и отъ купечества отбывать". Въ 1745 году въ ревизскій сказкѣ снова повторялось, что Полушкинъ, „за старостью" своею ввѣрилъ пасынкамъ „всякое заводское произведеніе и надъ мастеровыми и работными людь-

мн смотрѣніе и всякое исправленіе "; снова повторяется также и объ ожидающей Волковыхъ наградѣ и наслѣдствѣ и снова братья подписываются присказкѣ.

Итакъ, Ѳедоръ Волковъ, вступавшій въ юношескій возрастъ, сдѣлался „заводчикомъ", управлялъ или, по крайней мѣрѣ, принималъ дѣятельное участіе въ управленіи торгово-промышленнымъ предпріятіемъ. Что же тогда представлялъ изъ себя этотъ юноша и какъ прошли его отроческіе годы въ Ярославлѣ? На эти вопросы отвѣты также коротки и неясны, какъ и на многіе другіе въ біографіи основателя русскаго театра. Тутъ можно только высказывать предположенія, до нѣкоторой степени фантазировать, руководясь не фактами, давшими извѣстныя слѣдствія, а самыми этими слѣдствіями, т. е. тѣмъ, что представилъ собою Волковъ, какъ уже знаменитый человѣкъ.

Дѣтство и отрочество Волкова проходили въ средѣ, нравы которой были „жестокіе" и „дикіе". Между окружавшими его мы не знаемъ человѣка, который направлялъ его умственное и нравственное развитіе. Что за человѣкъ была его мать, оказала ли она какое-нибудь вліяніе на складъ характера своего сына, — совершенно неизвѣстно. Въ этомъ случаѣ не на чемъ основать даже тѣхъ гадательныхъ предположеній, которыя дѣлаются относительно отчима Волкова.

О Полушкинѣ имѣлись архивныя данныя, но до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не напечатанныя, и трудно сказать, гдѣ можно ихъ теперь отыскать. Это видно изъ слѣдующаго: въ редакціи „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", въ началѣ 1870-хъ годовъ, находились громадныя собранія архивныхъ

матеріаловъ, въ томъ числѣ и дѣла Петровскаго времени; послѣднія были всѣ разсмотрѣны редакторомъ В. И. Лѣствицынымъ, и, по его удостовѣренію, среди нихъ „отыскались значительныя свѣдѣнія о Ѳедорѣ Полушкинѣ“ [4]). О судьбѣ этихъ бумагъ мнѣ ничего неизвѣстно, а разыскать ихъ было бы тѣмъ нужнѣе, что въ нихъ, по словамъ Лѣствицына, встрѣчаются также значительныя свѣдѣнія о родственникахъ знаменитаго сотоварища Волкова — И. А. Дмитревскаго, происхожденіе котораго недостаточно выяснено.

За отсутствіемъ этихъ документальныхъ данныхъ, приходится характеризовать отчима Волкова лишь предположительно. О Полушкинѣ сложилось мнѣніе, какъ о человѣкѣ, имѣвшемъ вліяніе на судьбу своего пасынка, и при томъ вліяніе благотворное. Въ общемъ мнѣніе это можно выразить такъ, какъ оно выражено въ одномъ изъ біографическихъ очерковъ Волкова. „Полушкинъ былъ богатый и тароватый, т. е. энергичный и предпріимчивый купецъ. Судьба маленькаго Волкова всецѣло зависѣла отъ отчима. Какъ глава семьи, Полушкинъ могъ направить воспитаніе пасынка, смотря по своимъ взглядамъ и соображеніямъ. Онъ самъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ тогда людямъ своего круга, которые, можетъ быть, еще смутно, но уже понимали пользу образованія для всякаго дѣла. Добрый и заботливый семьянинъ, онъ скоро полюбилъ своихъ пасынковъ. Особенное вниманіе его было обращено, конечно, на старшаго изъ нихъ, Ѳедора, который рано обнаружилъ свою талантливую натуру и поражалъ всѣхъ своими способностями. Полушкинъ видѣлъ въ мальчикѣ своего ближайшаго

помощника и преемника въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ и старался пріучить его къ своему дѣлу. Вліяніе отчима на развитіе пасынка было несомнѣнно“ [5]).

На чемъ можно основать такое предположеніе? На разсказѣ Новикова и на тѣхъ выводахъ, которые даетъ упомянутый указъ Бергъ-Коллегіи.

Однимъ изъ свидѣтельствъ о Полушкинѣ, подтверждающихъ вышеприведенную характеристику, для прежнихъ біографовъ Волкова, писавшихъ до опубликованія Лѣствицынымъ указа, и для нѣкоторыхъ новыхъ, не знавшихъ объ этомъ указѣ, могло служить одно выраженіе Новикова. Онъ, между прочимъ, говоритъ, что Волковъ встрѣтилъ сочувствіе своимъ театральнымъ затѣямъ въ самомъ Полушкинѣ. „Отчимъ,— замѣчаетъ онъ, — „былъ доволенъ, но почиталъ все сіе дѣтскими игрушками“. Конечно, не только сочувствіе Полушкина къ затѣѣ пасынка, но даже равнодушное съ его стороны дозволеніе заниматься этими „дѣтскими игрушками“, могло бы характеризовать его, какъ незауряднаго человѣка своей среды и своего времени. Но, какъ видно изъ указа, Полушкина уже не было въ живыхъ, когда Волковъ затѣялъ театръ въ Ярославлѣ, и въ этомъ случаѣ разсказъ Новикова, очевидно, является несогласнымъ съ истиной.

Другое свидѣтельство Новикова о Волковѣ, важное для характеристики Полушкина, до сихъ поръ и не опровергнуто, и не подтверждено документальными данными. Новиковъ утверждаетъ, что „увидя остроту пасынка, Полушкинъ отправилъ его въ Москву для обученія музыкѣ и нѣмецкому языку“. Это обстоятельство, если оно было въ дѣйствительности, характери-

зуетъ Полушкина, не только какъ заботливаго отчима, но и какъ человѣка, если не просвѣщеннаго, то, по крайней мѣрѣ, тяготѣвшаго къ просвѣщенію.

Свѣдѣніе Новикова объ отправленіи Волкова въ Москву для обученія музыкѣ и нѣмецкому языку ничѣмъ, какъ я уже замѣтилъ, не подтверждено и не опровергнуто. Князь А. А. Шаховской въ начатой имъ „Лѣтописи русскаго театра“ видоизмѣняетъ и дополняетъ это показаніе Новикова. Онъ сообщаетъ, что Полушкинъ, „замѣтивъ въ старшемъ пасынкѣ необыкновенный умъ и дѣятельность, отправилъ его въ Москву, въ Заиконоспасскую академію. Молодой Волковъ въ ученіи Закону Божію, русской грамматикѣ. нѣмецкому языку, математикѣ, рисованію и нотному пѣнію обгонялъ своихъ товарищей и отличался на святкахъ въ представленіи духовныхъ драмъ и переводныхъ комедій, которыми издавна славились заиконоспасскіе студенты“ [6]).

Нѣтъ никакихъ прямыхъ доказательствъ, что и Новиковъ, и Шаховской, писавшіе о Волковѣ по преданіямъ устныхъ разсказовъ, сообщаютъ то, чего въ дѣйствительности не было. Возможно и то, и другое, тѣмъ болѣе, что трудно предположить такую выдумку безъ всякаго къ тому основанія. Нѣтъ также и прямыхъ поводовъ опровергать эту часть біографическихъ данныхъ о Волковѣ. Но въ самыхъ свидѣтельствахъ того и другого біографовъ можно, при внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, найти косвенныя причины, наводящія на сомнѣнія.

По Новикову Полушкинъ отправляетъ Волкова въ Москву учиться нѣмецкому языку и музыкѣ. Какъ

им. Горького

бы далеко ни заходила просвѣщенность Полушкина, купца и заводчика, нельзя предположить, чтобъ онъ вздумалъ подготовлять своего пасынка къ артистической дѣятельности и для того рѣшилъ обучать его музыкальному искусству. И представленіе о Полушкинѣ, и положеніе тогда артистической дѣятельности и музыки въ Россіи—противъ такого предположенія. Даже если бы Волковъ обнаружилъ исключительныя музыкальныя способности, то никто не подумалъ бы развивать и обработывать ихъ въ мальчикѣ, будущемъ дѣловомъ человѣкѣ. Что касается обученія нѣмецкому языку, то и возможно, и вполнѣ понятно, что Полушкинъ желалъ этого для пасынка, какъ представителя со временемъ торговаго дома, ведущаго дѣла и съ иностранцами. Но для того, чтобы научиться нѣмецкому языку, Волкову совсѣмъ не надо было уѣзжать изъ Ярославля. При желаніи, не выѣзжая изъ этого города, можно было научиться не только европейскимъ языкамъ, но даже индѣйскому, — отъ многихъ иноземныхъ негоціантовъ, имѣвшихъ здѣсь свои торговыя конторы, отъ плѣнныхъ иностранцевъ, отъ ссыльныхъ чужеземцевъ. Въ старинномъ Ярославлѣ, временъ Волкова, можно было отыскать учителей нѣмецкаго языка и вмѣстѣ практиковъ нужнаго для пасынка Полушкина торгово-промышленнаго и заводскаго дѣла.

Скорѣе можно согласиться съ Шаховскимъ, что Полушкинъ хотѣлъ дать способному мальчику общее образованіе и дѣйствительно отдалъ его въ Заиконоспасскую академію. Но въ академіи нѣмецкій языкъ не преподавался, и Шаховской, вѣроятно, указывая

на обученіе Волкова этому языку въ Москвѣ, старался избѣжать противорѣчій съ Новиковымъ. Можно думать, что Шаховской писалъ со словъ сотоварища Волкова, Дмитревскаго, и это давало бы лишнее доказательство правдивости его разсказа. Однако и тутъ возникаютъ сомнѣнія, вытекающія изъ другого обстоятельства. Въ той же своей „Лѣтописи“ Шаховской замѣчаетъ, что водевиль „Ѳ. Г. Волковъ“ написанъ имъ со словъ Дмитревскаго и „представляетъ, сколько можно ближе къ истинѣ, это происшествіе“, т. е. открытіе въ Ярославлѣ театра [7]). Но какъ увидятъ читатели дальше, Шаховской несомнѣнно уклонился отъ истины, заставивъ Полушкина, тогда уже умершаго, присутствовать на спектаклѣ въ „день рожденія русскаго театра“. Такое серьезное противорѣчіе наводитъ на мысль, что или Дмитревскій на старости плохо помнилъ событія своей юности, или Шаховской не точно записывалъ его разсказы. Такимъ образомъ, довѣріе къ показаніямъ, считавшимся историческими, колеблется.

Я не останавливаюсь на другихъ біографическихъ указаніяхъ относительно дѣтства и первоначальнаго образованія Волкова. Они—или простая передача тѣхъ же свѣдѣній, или пространное ихъ изложеніе съ придачею новыхъ предположеній и измышленій. Одинъ біографъ, писавшій приблизительно въ срединѣ періода между сообщеніями Новикова и Шаховского, утверждаетъ, напримѣръ, что Полушкинъ, человѣкъ, по мнѣнію біографа, грубый и необразованный, тѣмъ не менѣе отослалъ пасынка въ Москву учиться, „не желая удушить его подъ корою невѣжества“. Въ

2*

Москвѣ Волковъ научился музыкѣ, живописи и нѣмецкому языку. „Упражняясь въ копированіи различныхъ видовъ, онъ предпочтительно любилъ изобрѣтать каррикатуры и списывать портреты людей извѣстныхъ ему по ихъ славѣ; напримѣръ, онъ довольно сходно скопировалъ для себя портреты Расина, Корнеля, Ломоносова, Сумарокова, Гаррика и др.“ [8]).

Если Волковъ и былъ въ Москвѣ, то лишь до 13—14-лѣтняго возраста, такъ какъ уже въ началѣ 1743 года пасынки Полушкина находятся при его заводахъ. А въ такіе слишкомъ юные годы врядъ ли Волковъ, при всей его даровитости, могъ такъ много и широко заниматься своимъ образованіемъ и развитіемъ.

Въ біографіяхъ основателя русскаго театра указывается на одно лицо, которое имѣло или, по крайней мѣрѣ, могло имѣть большое вліяніе на умственное развитіе Волкова и способствовало его первоначальному образованію. Лицо это—пасторъ герцога Бирона, жившаго въ Ярославлѣ въ ссылкѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего несообразнаго съ обстоятельствами. Слѣдуетъ, однако, точнѣе обусловить эту подробность временемъ ея возможнаго осуществленія.

Бironъ привезенъ былъ въ Ярославль въ 1742 году. Жилъ онъ неподалеку отъ усадьбы Полушкина, на берегу Волги, въ домѣ купца Мякушкина. Домъ этотъ стоялъ близъ Николо-Надѣинской церкви, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь городское училище *), слѣдовательно, по сосѣдству съ домомъ Полушкина. Это

*) Оно обозначено на приложенномъ ниже схематическомъ планѣ той части гор. Ярославля, въ которой жилъ Ѳ. Г. Волковъ.

обстоятельство могло, конечно, способствовать извѣстному сближенію между пасторомъ и семьей Полушкина или однимъ Волковымъ. Происходило же это сближеніе въ періодъ времени не раньше 1743 года, когда Биронъ жилъ уже въ Ярославлѣ и Волковъ возвратился изъ Москвы, и не позднѣе 1746 года, когда Полушкинъ отправилъ пасынка въ Петербургъ. Въ этотъ промежутокъ времени Волкову было 14—17 лѣтъ, онъ занимался уже заводскими дѣлами и могъ испытать необходимость знанія нѣмецкаго языка. Къ тому же возрастъ его былъ такой, когда онъ могъ живо и сознательно воспринимать не одни познанія въ нѣмецкомъ языкѣ, но и все, что пасторъ считалъ полезнымъ передать ему для умственно-нравственнаго развитія. Разсказъ о нѣмецкомъ пасторѣ, такимъ образомъ, очень правдоподобенъ, и, можетъ быть, дѣйствительно заѣзжій поневолѣ иностранецъ заронилъ въ умъ и душу юноши тѣ сѣмена, изъ которыхъ выросла и пышно разцвѣла любовь къ искусству въ основателѣ русскаго театра.

Все это, однако, гадательно и не вполнѣ достовѣрно, а что можетъ быть прискорбнѣе для біографа, какъ основывать свой разсказъ или изслѣдованіе на предположеніяхъ и тѣмъ плодить дальнѣйшія неточности и невѣрныя свѣдѣнія. При отсутствіи достовѣрныхъ данныхъ, предположенія высказываются въ смыслѣ фактовъ; послѣдующіе біографы уже прямо принимаютъ эти предположенія за факты; такимъ образомъ, создается цѣлая цѣпь невѣрныхъ свѣдѣній, въ которой, въ концѣ концовъ, не разыщешь неподдѣльныхъ звеньевъ. Нечего уже и говорить о тѣхъ слу-

чаяхъ, когда въ біографіи историческаго лица примѣшаетъ свою фантазію драматургъ или беллетристъ-разсказчикъ, вздумавшіе въ своей окраскѣ нарисовать портретъ знаменитаго человѣка. Это случалось и съ біографіей Волкова *).

Сказанное выше убѣждаетъ, что и тотъ слабый свѣтъ, который, казалось бы, пролитъ біографическими указаніями на дѣтскіе годы и исторію первоначальнаго образованія Волкова, заволакивается туманомъ сомнѣній, противорѣчій, недоразумѣній и несообразностей. Во всякомъ случаѣ, что касается до первоначальнаго образованія Волкова, то не будетъ нисколько невѣроятнымъ установить слѣдующія положенія. Русской грамотѣ онъ обучился въ Ярославлѣ у какого-нибудь грамотнаго человѣка: священника, дьячка, приказнаго. Князь Шаховской въ своей комедіи прямо приписываетъ честь этого учительства подьячему Михѣичу. Первое учебное заведеніи въ Ярославлѣ,—Славяно-Латинская семинарія въ Спасскомъ монастырѣ,—было открыто въ 1747 году, а до того источниками просвѣщенія служили одни лишь „Михѣичи“.

Дальнѣйшее образованіе Волкова въ Заиконоспасской академіи и вообще въ Москвѣ кажется невѣроятнымъ нѣкоторымъ его біографамъ. Такъ одинъ изъ нихъ замѣчаетъ по этому поводу: „Нѣтъ сомнѣнія, что Полушкинъ готовилъ своего пасынка въ свои преемники по торговому дѣлу и не хотѣлъ отдавать

*) Напримѣръ, въ комедіяхъ Шаховского и Куликова, съ которыми читатели познакомятся дальше, или въ народномъ изданіи біографіи Волкова, составленной г-жей Некрасовой (М. 1892).

его въ училище, въ которомъ нѣмецкій языкъ не преподавался, да и учебная программа Славяно-Греко-Латинской академіи совсѣмъ не соотвѣтствовала нуждамъ торговаго человѣка [9]). На это можно возразить, что при тогдашнемъ уровнѣ образованности и распространенности школъ нельзя было искать въ ученьи удовлетворенія „нуждъ торговаго человѣка“. Не до того было, когда свѣточами науки въ такихъ даже сравнительно большихъ и бойкихъ городахъ, какъ Ярославль, являлись „Михѣичи“. Желавшіе учиться дальше и больше могли прибѣгать подъ кровъ Заиконоспасской академіи, куда принимались дѣти всѣхъ сословій. Біографъ этотъ предполагаетъ, что первоначальнымъ образованіемъ своимъ Волковъ обязанъ пастору Бирона. Но, какъ я упомянулъ выше, Биронъ прибылъ въ Ярославль въ 1742 году, а въ это время Волкову было уже больше тринадцати лѣтъ, и, судя по всему, нельзя думать, что онъ до той поры былъ неграмотнымъ.

Итакъ, ученье Волкова въ Заиконоспасской академіи не представляется фактомъ неправдоподобнымъ и можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ. Волковъ пробылъ въ академіи не больше трехъ лѣтъ. Туда принимались дѣти не моложе 12 — 13 лѣтъ, а Волковъ въ 1743 году былъ уже взятъ своимъ отчимомъ изъ академіи. Если предположить, что онъ поступилъ прямо въ классъ „ѳары“ (чтеніе и письмо по латыни), то въ три года онъ могъ самое большее дойти до класса піитики, т. е. изучить основы ариѳметики, географіи, исторіи, катехизиса и грамматику. Слѣдовательно, образованіе, полученное Волковымъ

въ академіи, было только первоначальное. Изученіе языковъ, пріобрѣтеніе обширныхъ научныхъ познаній и общее выдающееся развитіе были у него плодомъ самостоятельной работы уже по выходѣ изъ академіи. Здѣсь ему представлялась за то возможность серьезно заняться музыкой, къ которой съ дѣтства у него были большія способности. Еще болѣе, конечно, важно, что въ академіи онъ впервые познакомился съ театральными представленіями и, можетъ быть, самъ являлся исполнителемъ. Кромѣ того, въ то же время, онъ могъ посѣщать и спектакли въ Московскомъ госпиталѣ.

Вполнѣ возможно также, что Волковъ, несмотря на свои дѣтскіе годы, шелъ впереди своихъ товарищей и уже въ академіи, внѣ класснаго ученья, положилъ основу своему самообразованію. Онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, по выраженію Новикова, *пристрастно прилежалъ къ познанію наукъ и художествъ, и проницательный и острый разумъ споспѣшествовалъ ему безъ всякаго, можно сказать, предводителя доходить въ оныхъ до возможнаго совершенства.* Первоначальныя, систематически усвоенныя въ академіи, научныя знанія придали впослѣдствіи стремленіямъ Волкова къ сценической дѣятельности вполнѣ серьезную основу. Возвратясь изъ Москвы, подготовленный научно, Волковъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ могъ заниматься съ пасторомъ Бирона и нѣмецкимъ языкомъ, и дальнѣйшимъ своимъ образованіемъ.

Вотъ та картина, если не дѣтства,—на что совсѣмъ нѣтъ данныхъ,—то, по крайней мѣрѣ, внѣшняго хода умственнаго развитія Волкова, какъ она выясняется изъ литературныхъ источниковъ.

Мои поиски какихъ-либо свѣдѣній о дѣтствѣ Волкова на мѣстѣ не принесли ничего новаго. Въ Ярославлѣ сохранилось лишь одно вещественное воспоминаніе, связанное съ дѣтскими годами Волкова: домъ, въ которомъ онъ жилъ. И мнѣ остается, чтобы закончить о дѣтствѣ основателя русскаго театра, повести васъ къ этому дому, въ стѣнахъ котораго росъ и зрѣлъ великій самородокъ.

IV.

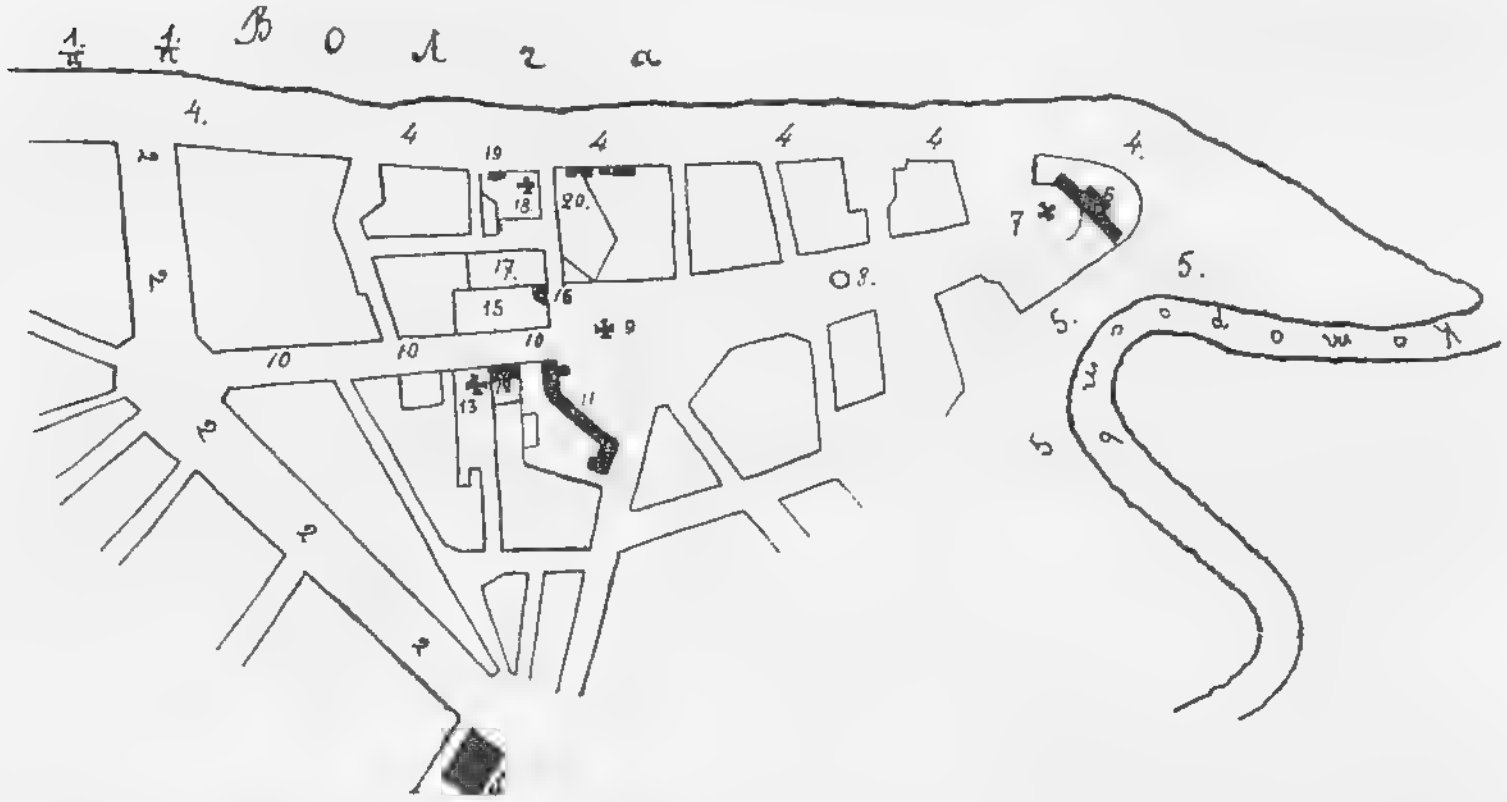
Домъ Волкова въ Ярославлѣ.

Волга—большая дорога, а Ярославль—крупная и во многихъ отношеніяхъ интересная на ней станція. Въ этомъ древнемъ русскомъ городѣ съ удовольствіемъ и живымъ вниманіемъ можетъ провести нѣсколько часовъ и любитель старины, и обыкновенный туристъ, взглянуть на оригинальную и изящную архитектуру церквей, полюбоваться превосходнымъ видомъ съ набережной Волги.

Для тѣхъ изъ любопытствующихъ путешественниковъ, которые захотѣли бы обратить вниманіе на вещественныя воспоминанія о Волковѣ, я разскажу, какъ добраться до нихъ. Руководясь приложеннымъ здѣсь планомъ, очень легко оріентироваться въ той мѣстности, гдѣ расположены домъ Волкова, Николо-Надѣинская церковь, театръ, лицей. Все это находится недалеко отъ пароходныхъ пристаней, и осмотръ можно сдѣлать во время стоянки парохода или, въ

крайнемъ случаѣ, переждать до другого парохода,— они здѣсь отходятъ ежедневно по нѣсколько разъ, какъ внизъ, такъ и вверхъ.

Схематическій планъ той части гор. Ярославля, въ которой жилъ Ѳ. Г. Волковъ.



1. Пристани пассажирскихъ пароходовъ.
2. Стрѣлецкій бульваръ.
3. Городской театръ.
4. Волжская набережная.
5. Берегъ Которости.
6. Демидовскій лицей.
7. Соборъ.
8. Памятникъ Демидову.
9. Ильинская церковь.
10. Пробойная или Ильинская улица.
11. Присутственныя мѣста.
12. Домъ Волкова.
13. Церковь Всѣхъ Святыхъ.
14. Домъ Майковыхъ.
15. Усадьба Пастуховыхъ.
16. Мѣсто кожевеннаго амбара Волкова.
17. Усадьба Узениковыхъ.
18. Николо - Надѣинская церковь.
19. Городское Училище мѣстѣ дома Бирона).
20. Домъ губернатора.

Поднявшись на набережную, на ея верхнюю площадь, вы невольно остановитесь, посмотрите на Волгу и залюбуетесь картиной. У подножія крутого берегового ската широкой равниной разлилась могучая рѣка, а на ней и по прибрежьямъ—жизнь и движеніе большого судоходнаго пути. За Волгой—церкви, слободы, фабрики, поля, лѣсъ—все это въ одномъ гармоническомъ сочетаніи спокойнаго, умиротворяющаго душу,

ласкающаго глазъ, настоящаго русскаго пейзажа. Красива набережная Невы въ Петербургѣ, но въ ея картинѣ нѣтъ той мягкой прелести, какою проникнуты виды приволжскихъ набережныхъ,—хотя бы въ Ярославлѣ. Гранитъ, сдавившій Неву, — мертвъ; громады, обступившія ее, — сѣры и холодны. А здѣсь Волга свободно несетъ свои волны, краски прибрежьевъ пестры и ярки.

Съ одной стороны набережной тянется рядъ старыхъ вѣтвистыхъ деревьевъ, съ другой, къ Волгѣ,— чугунная рѣшетка. На этомъ бульварѣ разставлены скамейки; видъ отсюда открывается чудный. Затѣмъ, далѣе поверните налѣво и идите до пересѣченія набережнаго бульвара съ другимъ бульваромъ. Отъ пристаней до этой стрѣлки около полуверсты. Бульваръ этотъ называется Стрѣлецкимъ; онъ ведетъ внутрь города и является также красою Ярославля. Здѣсь лѣтомъ гуляютъ ярославцы и слушаютъ музыку. Первая улица налѣво съ бульвара и будетъ та, на которой стоитъ домъ, бывшій Волкова. Если продолжать путь по бульвару, то дойдете до театра, въ который бульваръ и упирается. Но мы направимся прежде всего въ ту улицу налѣво, которая называется Пробойной или Ильинской.

Конечно, болѣе подходящимъ для этой улицы было бы названіе *Волковская;* но тѣ, кто когда-то далъ улицѣ нынѣшнее ея названіе, тоже соображались съ желаніемъ оставить историческую память: улицу эту *пробили* по застроенной мѣстности — случай нерѣдкій,—что же могло быть проще и понятнѣе, какъ не увѣковѣчить это событіе названіемъ улицы—Пробой-

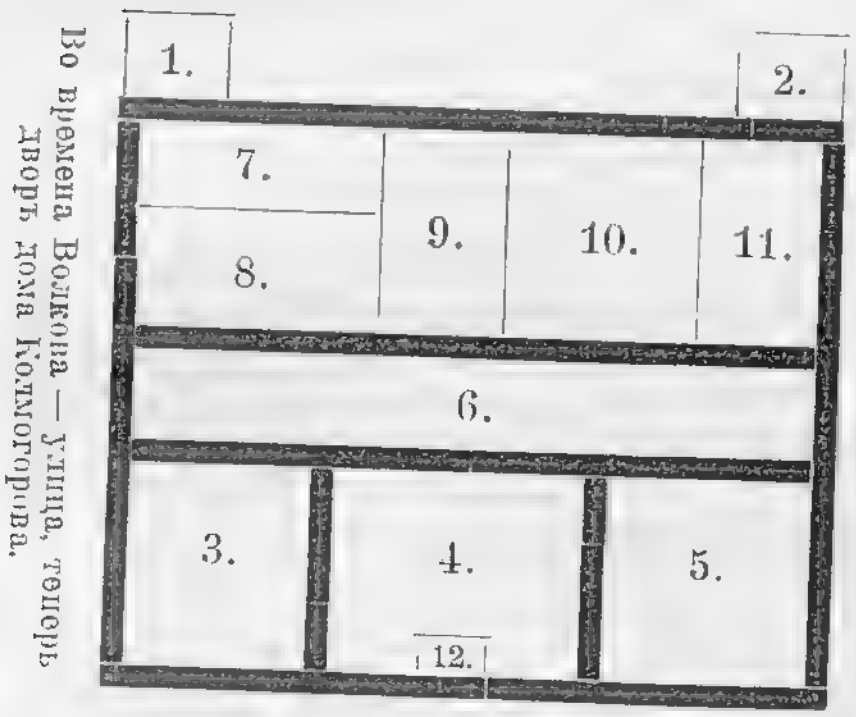
ная. О томъ, что тутъ выросъ Волковъ и родился первый русскій театръ, забыли или, вѣрнѣе, и не знали, хотя пробивать улицу начинали именно съ владѣнія бывшаго Волкова. Однако, это является не тѣмъ, чего ужъ не воротишь. Будемъ надѣяться, что наступитъ время, когда и ярославскимъ гражданамъ придетъ мысль назвать Пробойную улицу Волковскою,— мысль легко осуществимая.

Почти на самомъ концѣ улицы, на правой сторонѣ, стоитъ трехъэтажный бѣлый каменный домъ, принадлежащій дворянину и помѣщику Ярославской губерніи, Якову Степановичу Колмогорову. Здѣсь-то и жилъ полтораста лѣтъ тому назадъ Волковъ. Домъ производитъ впечатлѣніе стариннаго, главнымъ образомъ, солидностью постройки и, такъ сказать, степенностью своего внѣшняго вида. Со временъ Волкова домъ его подвергся, впрочемъ, существенному измѣненію: верхній этажъ теперешней постройки возведенъ въ 1830-хъ годахъ; во дворѣ къ дому, кромѣ того, придѣланы два крыльца, и внутреннее помѣщеніе распланировано и отдѣлано сравнительно недавно.

При помощи прилагаемыхъ плана мѣстности, чертежа приблизительнаго расположенія помѣщеній въ домѣ и фотографическаго снимка съ самаго дома, читатели легко поймутъ подробности дальнѣйшаго описанія. Большею частью сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній о домѣ я обязанъ почтенному владѣльцу этого историческаго зданія, Я. С. Колмогорову, съ которымъ я велъ по этому поводу переписку и лично бесѣдовалъ во время поѣздокъ въ Ярославль. Я. С. Колмогоровъ,—человѣкъ весьма просвѣщенный и при томъ

любитель мѣстной старины,—чрезвычайно охотно и любезно подѣлился со мною всѣмъ, что зналъ о домѣ, которымъ онъ владѣетъ. Но, несмотря на то, что онъ и самъ давно старался удовлетворить свою любознательность относительно памятнаго дома, искалъ мѣстные матеріалы о его прежнемъ знаменитомъ владѣльцѣ, ему этого сдѣлать не удалось. Такимъ образомъ, раз-

Схематическій планъ расположенія помѣщеній въ домѣ бывшемъ Волкова, нынѣ Колмогорова.



1—2. Крыльца, пристроенныя недавно.

3—5. При Волковѣ холодныя комнаты, теперь жилыя.

6. Корридоръ.

7—11. Жилыя комнаты при Волковѣ.

12. Выходное крыльцо въ домѣ—при Волковѣ.

Во время Волкова — дворъ его дома, теперь Пробойная улица, на которую выходитъ лицевой фасадъ дома.

сказъ моего пароходнаго знакомца, ярославскаго старожила, о какихъ-то старинныхъ вещахъ и бумагахъ, перешедшихъ будто бы вмѣстѣ съ домомъ къ Я. С. Колмогорову, оказался, къ глубокому сожалѣнію, только измышленіемъ досужей молвы.

Домъ построенъ былъ, вѣроятно, Полушкинымъ, а, можетъ быть, и еще раньше. Тогда Пробойной улицы не существовало, и домъ Волковыхъ выходилъ на улицу тѣмъ своимъ фасадомъ въ пять оконъ, который те-

перь смотритъ черезъ дворъ на зданіе присутственныхъ мѣстъ. Нынѣшній же лицевой его фасадъ выходилъ на дворъ прежней усадьбы, и съ этой стороны, въ срединѣ дома, былъ входъ въ него, тамъ, гдѣ теперь центральное окно бельэтажа, нѣсколько удлиненной формы (оно не особенно давно служило

Домъ бывшій Волкова, нынѣ Колмогорова.
Съ фотографіи Борщевскаго.

дверью балкона). Домъ былъ, собственно, не двухъэтажный, а что-то въ родѣ полутора-этажнаго. Жилье помѣщалось вверху, а подъ нимъ своды отдѣляли нижнюю часть постройки, представлявшую сухіе подвалы. Это были, вѣроятно, такъ называемыя палатки или кладовыя, устраивавшіяся въ купеческихъ домахъ для склада товаровъ и другихъ торговыхъ потребностей. Оконъ внизу совсѣмъ не существовало.

Постройка дома замѣчательно прочная. Кирпичная кладка внизу сдѣлана съ дикимъ камнемъ; стѣны необыкновенно толстыя; еще толще своды надъ подвальнымъ этажомъ, сложенные также съ дикаремъ. По мнѣнію архитекторовъ, дѣлавшихъ надстройку, стѣны дома могли бы выдержать не только одинъ, а нѣсколько этажей. Внутри дома, тоже по старинному, почти всѣ стѣны, какъ ихъ называютъ, „капитальныя“. Расположеніе внутренняго помѣщенія осталось, за небольшими измѣненіями, прежнее, хотя, конечно, назначеніе комнатъ теперь совершенно иное.

По старинной системѣ построекъ, входъ въ домъ былъ со двора, и первыя съ крыльца три громадныя комнаты были холодныя; это—сѣни, занимавшія половину всего внутренняго помѣщенія, остальная часть котораго составляла „горницы“—теплыя жилыя комнаты. Теперь весь домъ жилой.

По словамъ Я. С. Колмогорова, домъ Полушкина и затѣмъ Волковыхъ принадлежалъ послѣ нихъ священнику Козьмо-Демьянской церкви, потомъ постепенно переходилъ къ Сильвачеву, Зыкову, а въ половинѣ 30-хъ годовъ—къ отцу нынѣшняго владѣльца. Время существованія дома можно опредѣлить приблизительно въ 200 слишкомъ лѣтъ. Надстройка въ видѣ мезонина была устроена Сильвачевой, а верхній этажъ и вся внутренняя распланировка дома, въ его современномъ видѣ — Я. С. Колмогоровымъ.

Въ этомъ домѣ прошли дѣтскіе годы Волкова; въ одной изъ комнатъ основатель русскаго театра устраивалъ, возвратясь изъ Петербурга, домашніе спектакли, какъ сообщаетъ объ этомъ Новиковъ. Здѣсь созрѣ-

вали въ головѣ Волкова планы о настоящемъ театрѣ, развивалась и укрѣплялась страсть къ искусству вообще и къ сценическому въ особенности.

По отношенію къ улицѣ домъ Полушкина, какъ утверждаетъ мѣстный историкъ, занималъ иное, чѣмъ теперь, положеніе [10]). Все пространство до Николо-Надѣинской церкви занято было усадьбою Полушкина, раздѣленною впослѣдствіи, по планировкѣ 1778 года, на двѣ части, при чемъ, какъ выше было замѣчено, лицевымъ ея фасадомъ была сторона дома, обращенная нынѣ къ присутственнымъ мѣстамъ. Замѣтимъ, однако, что Пробойная улица существовала гораздо раньше и имѣла то же направленіе *). Но не проходила ли она правѣе дома Полушкина? Разрѣшеніе этого вопроса небезъинтересно, такъ какъ тотъ или иной отвѣтъ на него указываетъ на расположеніе усадьбы и дома Волкова.

По дворовому фасаду (теперь лицевому) домъ Волкова былъ длиннѣе уличнаго и своими окнами глядѣлъ на усадьбу, занимавшую значительное пространство. Подъ усадьбой лежала земля, занятая теперь Пробойной улицей (противъ дома) и, далѣе къ Волгѣ, владѣніемъ Пастуховыхъ и Узденниковыхъ. Такимъ образомъ, усадьба простиралась почти или даже вплоть до Николо-Надѣинской улицы. На этомъ-то купеческомъ дворѣ, среди разныхъ хозяйственныхъ по-

*) По свѣдѣніямъ земскаго бурмистра Семена Черницына 1712 г., Пробойная улица шла отъ соборной церкви и отъ архіерейскаго дома черезъ Фроловскій мостъ и мимо Мучного ряда до Семеновскихъ воротъ („Ярославскія Губернскія Вѣдомости“, 1873, № 47, ч. неоффиц., ст. „Положеніе Ярославля въ 1711 году“).

строекъ, стоялъ, по преданію, и тотъ амбаръ, въ которомъ Волковъ началъ свою не шуточную забаву, превратившуюся вскорѣ въ созданіе русскаго театра.

V.

Волковъ въ Ярославлѣ.— Основаніе театра.

Такое событіе, какъ основаніе перваго театра въ Ярославлѣ, должно бы быть, по справедливости и во вниманіе къ особенной его важности, изслѣдовано и извѣстно въ исторіи русской сцены во всѣхъ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Но какъ въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще отдѣлъ театра одинъ изъ самыхъ темныхъ и неразработанныхъ, такъ и въ самой исторіи русскаго театра „ярославское событіе“ является однимъ изъ наименѣе ясныхъ моментовъ. Собственно документальныхъ данныхъ, устанавливающихъ фактъ и обстоятельства открытія театра въ Ярославлѣ, совсѣмъ нѣтъ. Всѣ достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ—не больше, какъ косвенные намеки изъ другихъ источниковъ; всѣ правдоподобныя указанія — преданія и разсказы, переходящіе иногда и въ область фантазіи. При отсутствіи точныхъ данныхъ, трудно, конечно, отличить здѣсь дѣйствительность отъ вымысла. Однако, уже и теперь, при всей скудости неоспоримыхъ свѣдѣній, можно изъ всего матеріала, касающагося основанія Волковымъ театра въ Ярославлѣ, отдѣлить совершенно фантастическое отъ правдоподобнаго и достовѣрнаго.

Начнемъ съ перваго и прежде всего познакомимся

съ произведеніемъ драматурга-театрала князя А. А. Шаховского — „Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ или День рожденія русскаго театра“, анекдотическая комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ. Какъ драматическое твореніе, подчиненное полету воображенія автора, произведеніе Шаховского, какъ будто, и не слѣдуетъ принимать въ расчетъ, собирая и сопоставляя историческія доказательства. Но вотъ, что заставляетъ обратить на него особенное вниманіе. Шаховской [11]), горячій и просвѣщенный театралъ, близко стоявшій къ сценѣ и ея дѣятелямъ, заставшій еще въ живыхъ сподвижниковъ Волкова, какъ Дмитревскій и Шумскій, безъ сомнѣнія, весьма интересовался прошлымъ русскаго театра, а тѣмъ болѣе первыми его днями и шагами. Это было ему нужно и для удовлетворенія любознательности, и для спеціальной цѣли — составленія исторіи русскаго театра. Можно было бы поэтому думать, что онъ тщательно собралъ, свелъ и провѣрилъ извѣстія о началѣ театра въ Ярославлѣ и внесъ въ свою комедію вполнѣ точныя и вѣрныя основныя черты общей картины „ярославскаго событія“. Онъ, очевидно, и самъ такъ понималъ свою благодарную задачу—увѣковѣчить на сценѣ день рожденія русской сцены. Въ своей „Лѣтописи русскаго театра“, которая напечатана съ указанной комедіей-водевилемъ въ одной и той же книжкѣ „Репертуара“, Шаховской замѣчаетъ, что пьеса его, „написанная со словъ Дмитревскаго, представляетъ сколько можно ближе къ истинѣ это происшествіе“.

Тѣмъ не менѣе, ни такой достовѣрный источникъ, какъ Дмитревскій, ни важность принятой на себя

задачи не способствовали Шаховскому дать въ комедіи обильныя и точныя свѣдѣнія по существу ея сюжета и этимъ помочь историкамъ театра разобраться въ неясностяхъ и недоразумѣніяхъ. Здѣсь не мѣсто разбирать художественно - литературныя достоинства пьесы, но можно привести два противоположные о ней отзыва.

Въ Москвѣ комедія эта, написанная Шаховскимъ въ 1827 году, была поставлена 4-го января 1828 г., самимъ авторомъ. Въ чтеніи, по словамъ Аксакова, пьеса не нравилась,—думали, что на сценѣ выйдетъ изъ нея какая-то возня и суматоха: такъ казалась она сложна и запутана. Шаховской этимъ не смущался и утверждалъ, что на сценѣ впечатлѣніе будетъ не то. И дѣйствительно на сценѣ „Волковъ“ оказался не тѣмъ. „Мы ахнули отъ изумленія“,—говоритъ Аксаковъ,—„признали „Волкова“ однимъ изъ лучшихъ произведеній Шаховского и сознались въ своей ошибкѣ. Публика приняла пьесу съ единодушнымъ и шумнымъ одобреніемъ, вызвала автора и осыпала громомъ продолжительныхъ рукоплесканій“ [12]).

Здѣсь кстати упомянуть, что, судя по разсказамъ, комедія Шаховского имѣла собственно для Ярославля важное значеніе въ исторіи мѣстнаго театра. Въ 1839 году антрепренеръ Алексѣевъ, подъ впечатлѣніемъ сыгранной имъ роли Волкова, задумалъ устроить въ Ярославлѣ хорошій театръ и впослѣдствіи привелъ свою мысль въ исполненіе [13]).

Въ лицѣ Бѣлинскаго критика, напротивъ, встрѣтила очень сурово „анекдотическую комедію-водевиль“ князя Шаховского. Начиная разборъ комедіи и упо-

3*

мянувъ прежде всего о заслугахъ Волкова и о томъ равнодушіи и неуваженіи, которымъ характеризуется отношеніе русскаго общества къ *своему русскому*, а въ частности и къ памяти объ основателѣ русскаго театра, Бѣлинскій продолжаетъ: „Явился, наконецъ, человѣкъ, страстный къ театру и оказавшій ему важныя услуги и своими сочиненіями, и своимъ непосредственнымъ на него вліяніемъ — извѣстный и неутомимый нашъ драматургъ, князь Шаховской, и сдѣлалъ водевиль изъ главнаго момента жизни Волкова. И что же?.. Публика толпами ходитъ смотрѣть эту пьесу, важную, если не по исполненію, то по содержанію?—Ничуть не бывало...“ *). И самъ критикъ зарекается еще разъ смотрѣть пьесу. По его мнѣнію, водевиль слѣпленъ и склеенъ кое-какъ, простоты никакой, въ Волковѣ всего менѣе виденъ Волковъ,—онъ говоритъ ужасныя фразы, отчимъ и голова тоже ритор-ствуютъ, анекдотическая истина искажена и проч. [14]).

Въ общихъ чертахъ содержаніе комедіи князя Шаховского таково. Сцена перваго дѣйствія представляетъ задній дворъ Полушкина, на берегу Волги; на правой сторонѣ, въ третьей кулисѣ,—кожевенный сарай, съ широкими воротами, половина котораго выдвинулась на сцену; на берегу — лодка **). Ѳедоръ Волковъ съ братьями, Гаврилой и Григоріемъ ***),

*) Надо, впрочемъ, добавить, что Бѣлинскій смотрѣлъ пьесу черезъ десять лѣтъ послѣ ея первой постановки.

**) Историческая неточность этой планировки, какъ уже знаютъ читатели, заключается въ томъ, что домъ Полушкина стоялъ не на самомъ берегу Волги.

***) Объ остальныхъ братьяхъ Волкова сдѣлалось извѣстно только послѣ напечатанія указа Бергъ-Коллегіи.

съ Дмитревскимъ, Алексѣемъ Поповымъ, Михаиломъ Поповымъ и Михаиломъ Чулковымъ приготовляютъ все къ первому спектаклю, который состоится вечеромъ, по случаю дня именинъ Полушкина. Ѳедоръ и Григорій подбираютъ на гусляхъ и скрипкѣ аккомпанементъ къ пѣнію, Дмитревскій—съ нотами, Чулковъ расчесываетъ парики и бороды, Гаврило Волковъ и Алексѣй Поповъ устраиваютъ бумажныя кулисы, а Михайло Поповъ переписываетъ исправленные имъ стихи старшаго Волкова — о значеніи театральнаго искусства.

Всѣ они бесѣдуютъ между собою, и авторъ пользуется случаемъ, чтобы сообщить біографическія о нихъ свѣдѣнія и характеризовать будущихъ дѣятелей литературы и театра. Волковъ разсказываетъ о себѣ: „Послѣ покойнаго батюшки я съ братьями остался безъ всякаго призора; но Иванъ Трофимовичъ, женясь на матушкѣ, отдалъ меня одного, — затѣмъ, что я одинъ былъ тогда на возрастѣ,—къ сосѣду Михѣичу учиться грамотѣ, а потомъ отправилъ въ Петербургъ, на контору къ нѣмецкому купцу, съ которымъ онъ велъ торгъ“.

Разсказавъ о томъ, какъ зародилась въ немъ страсть къ сценѣ, при посѣщеніи петербургскихъ театровъ, Волковъ продолжаетъ: „Я рѣшился, хотя бы мнѣ это жизни стоило, въ стыдъ обѣимъ столицамъ, завесть у насъ въ Ярославлѣ первый русскій театръ: и вотъ онъ!.. Да, въ этомъ кожевенномъ сараѣ и нынче же родится русскій театръ; я положилъ уже первый камень огромнаго зданія. Отправленный отчимомъ въ Петербургъ, я привезъ оттуда все, что на первый

случаї необходимо нужно для нашего дѣла, собралъ, обучилъ васъ, чему могъ, и если вы, друзья, родились актерами, если я успѣлъ заронить въ сердца ваши хотя искру того священнаго огня, которымъ воспламеняются души художниковъ, то нашъ успѣхъ вѣренъ"—и т. д.

На замѣчаніе Чулкова, что „къ театру-то у насъ не привыкли", Волковъ объясняетъ слушателямъ нѣкоторыя подробности о томъ, какъ ему удалось устроить театръ. „Нашъ добрый воевода Мусинъ - Пушкинъ и важныї здѣсь помѣщикъ Майковъ очень одобряютъ наше предпріятіе и помогаютъ намъ своими совѣтами и разглашеніями", — говоритъ Волковъ. — „Мої дядя, ярославскії голова, по просьбѣ моеї и матушки, также намъ съ руки́, да и самъ отчимъ мої грамотеї и не прочь отъ новаго".

Въ первомъ дѣйствіи появляются почти и всѣ остальныя лица комедіи. Мать Волковыхъ, простая, но весьма здравомыслящая женщина, потакающая театральноїї затѣѣ молодежи, хотя не безъ чувства материнскоїї робости: какъ бы не прогнѣвался на это отчимъ... И самъ Полушкинъ, разсудительныї, ласковыї къ пасынкамъ, мягкаго нрава, склонныї къ перемѣнѣ взглядовъ подъ вліяніемъ просвѣщенія. Злодѣемъ пьесы является Михѣичъ, кумъ Волковоїї, „съ приписью подъячіїї и стряпчіїї", взяточникъ и вообще плутъ. Онъ возстаетъ и противъ театральноїї бѣсовщины, и противъ своего бывшаго ученика, Ѳедора Волкова, который долго перекоряется съ Михѣичемъ, стараясь доказать приказному обинякамп, что тотъ воръ и мошенникъ. Михѣичъ употребляетъ все свое

подъяческое краснорѣчіе, чтобы настроить Полушкина противъ вольнодумства Волкова вообще и противъ театральной затѣи въ частности. Но усилія его тщетны; отчимъ довѣряетъ старшему пасынку и не ждетъ отъ него ничего дурного. Романическій элементъ—въ робкомъ ухаживаніи юноши Дмитревскаго за Грушей, питомицей и крестницей Михѣича, предназначенной для разыгрыванія роли Берѳы въ пасторали.

Второе дѣйствіе—тамъ же, около кожевеннаго сарая. Послѣднія приготовленія къ спектаклю, за которыми слѣдитъ Ѳедоръ Волковъ, въ то же время провѣряющій фабричные счета. Онъ встревоженъ, безпокоится за успѣхъ задуманнаго дѣла, готовъ даже надѣяться на „авось“. Мать подбадриваетъ его.

Послѣ стиховъ о славѣ, которая ждетъ поэта и актера, гдѣ, между прочимъ, встрѣчается извѣстное выраженіе Шаховского: „актеръ какъ умеръ, такъ исчезъ“,—Волковъ набирается силы духа и твердо рѣшаетъ: „Такъ,—чувствую, что я рожденъ быть актеромъ; и какая бы блестящая судьба не представлялась мнѣ въ будущемъ, я все останусь и умру актеромъ“. Но, когда дѣло близится къ развязкѣ, твердость покидаетъ его. „Не стыдно-ли, Ѳедоръ Волковъ“,—укоряетъ онъ самъ себя,—„ты хочешь быть большимъ актеромъ, а не можешь... Нѣтъ, могу“.. И онъ весело идетъ на встрѣчу отчиму, шествующему съ именинnаго пира вмѣстѣ съ гостями, въ числѣ которыхъ есть и сторонникъ Волкова, его двоюродный дядя, ярославскій городской голова. Всѣ входятъ въ сарай.

Въ третьемъ дѣйствіи Шаховской вводитъ, нако-

нецъ, и насъ въ этотъ знаменитый театръ-сараи. „Театръ“,—по его ремаркѣ,—„представляетъ внутренность сарая; внутри сдѣлана сцена, какъ бываетъ въ комнатахъ; передъ нею оркестръ и два ряда стульевъ, на которыхъ сидятъ почетные гости; по обѣимъ сторонамъ скамейки, на которыхъ сидятъ мастеровые, посадскіе, нищіе, ихъ жены и дѣти. До поднятія занавѣса слышна на сценѣ музыка и окончаніе хора изъ „Эсѳири“, послѣ которыхъ раздается аплодисментъ и крики: „Славно, браво, ура!“—и занавѣсъ подымается“.

Антрактъ. Всѣ въ полномъ удовольствіи. Голова благодаритъ Полушкина, этотъ обнимаетъ Ѳедора Волкова; его же благодарятъ и мать, и голова, и всѣ, величая его „великимъ актеромъ“, а нѣмецкій мастеръ Іоганнъ Крафъ рѣшительно утверждаетъ, что ни въ Гамбургѣ, ни въ Любекѣ не видалъ онъ такого театра. На долю другихъ юныхъ лицедѣевъ также выпадаютъ похвалы и замѣчанія. Волковъ, молчавшій нѣкоторое время, говоритъ „сквозь радостныя слезы“: „Я такъ радъ, такъ счастливъ, что не въ силахъ слова вымолвить... Такъ, я надѣюсь, что съ этой минуты русскій театръ началъ существовать, и что батюшка благословитъ меня предаться совершенно врожденной моей склонности и сдѣлаться настоящимъ актеромъ“.

Полушкину не хочется, чтобы Волковъ бросилъ торговлю и сдѣлался „фигляромъ“. Тогда основатель русскаго театра начинаетъ краснорѣчиво убѣждать отчима въ пользѣ и значеніи искусства, доказывать, какъ высоко и почетно званіе актера. „Почему же“,—

заканчиваетъ онъ, — „Волковъ, Дмитревскій, Поповъ и всѣ мы, чувствуя сильно все достоинство нашего искусства, не можемъ восхитить нашихъ соотчичей, не можемъ заставить ихъ произнесть съ удовольствіемъ имена наши?“. Изъ воли Полушкина Волковъ, однако, выходить не желаетъ, и, дѣлать нечего, старику остается только сказать: „Будь актеромъ, если это тебѣ на роду написано“. При этомъ мы узнаемъ, что Полушкинъ читывалъ „Римскую и древнюю Ролленеву исторію“, знаетъ о Силлѣ и Цицеронѣ и слыхивалъ о Шекспирѣ и Мольерѣ.

Начинается пастораль—„Эвмонъ и Берѳа“, исполняемая Дмитревскимъ и Грушею. Но въ театръ приходитъ Михѣичъ, и происходятъ комическія сцены вперемежку съ пасторалью. Въ концѣ концовъ Михѣича уламываютъ отпустить Грушу въ актрисы, Дмитревскій надѣется на счастливое съ нею будущее, и все кончается благополучно. Авторъ, по водевильному обычаю, взываетъ устами Дмитревскаго, къ зрителямъ о снисхожденіи:

Когда же насъ въ живыхъ не станетъ,
Надѣемся, что, можетъ быть,
Того, кто вамъ объ насъ вспомянетъ,
Не захотите вы бранить.

Одинъ изъ позднѣйшихъ драматурговъ, Н. И. Куликовъ, взялъ для пьесы другой моментъ изъ исторіи основанія русскаго театра. Въ своей комедіи, въ двухъ дѣйствіяхъ,—„Первый русскій актеръ или Предразсудки противъ театра“ [15]) онъ изображаетъ на сценѣ послѣдній день Волковскаго театра въ Ярославлѣ,

подобно тому, какъ Шаховской изобразилъ день его рожденія. Комедія Куликова во всѣхъ отношеніяхъ ниже комедіи Шаховского, и здѣсь искать историческихъ основаній совсѣмъ не слѣдуетъ. Волковъ у Куликова продолжаетъ начатое театральное дѣло. Михѣичъ устраиваетъ ему всевозможныя козни и добивается того, что члены магистрата запрещаютъ спектакли. Но появляется намѣстникъ, пріѣхавшій изъ Петербурга и привезшій Царское повелѣніе: отправить ярославскихъ актеровъ въ Петербургъ. Дѣйствіе комедіи авторъ относитъ къ сентябрю 1756 года, что уже совершенно лишено исторической истины.

Переходя отъ произведеній авторскаго вымысла къ статьямъ историческаго характера, остановимся на біографіи Дмитревскаго, составленной Ѳ. А. Кони [16]). Этотъ авторъ, какъ извѣстно, занимался не мало вопросами по исторіи русскаго театра и внесъ въ нихъ нѣкоторую долю разработки.

Кони относитъ свою статью къ отдѣлу біографій, но правильнѣе ее назвать,—по крайней мѣрѣ, въ той части, которая касается Волкова и основаннаго имъ театра,—„повѣстью“, какъ и назвалъ ее возражавшій Кони ярославскій купецъ С. С. [17]), т. е. Серебренниковъ, помѣстившій впослѣдствіи статью о Волковѣ въ „Ярославскомъ Литературномъ Сборникѣ“ 1850 года.

Тѣ неточныя данныя, которыя имѣлись въ запасѣ у него, Кони разукрасилъ еще вымысломъ фантазіи и ушелъ далеко отъ исторической правды. Вотъ какую картину рисуетъ онъ: „Въ день Св. Петра и Павла замѣчалось необыкновенное движеніе въ Ярославлѣ (1750 г.). Выходя изъ церкви, знакомые оста-

навливались на улицѣ и толковали о какомъ-то небываломъ явленіи, о какомъ-то таинственномъ зрѣлищѣ. Различны были мнѣнія объ этомъ нововведеніи: одни любопытствовали и радовались, другіе хулили, что такой великій день былъ избранъ для нехристіанской забавы и демонскаго навожденія. Говоръ, между тѣмъ, разносился по всему городу, и толпы народа стремились къ заводскому дому Ѳедора Тимоѳеевича Полушкина. Весь переулокъ, обхваченный заборомъ селитренныхъ, сѣрныхъ и кожевенныхъ заводовъ купца Полушкина, былъ унизанъ любопытными". А на дворѣ рабочій людъ „былъ занятъ странною работой: изъ амбаровъ таскали расписанныя яркими цвѣтами полотна, походныя двери и коробы съ плошками. Ворота большой кожевенной сушильни были распахнуты настежъ, и въ обширномъ сараѣ, заставленномъ лавками въ нѣсколько рядовъ, въ глубинѣ виднѣлся возвышенный помостъ, на которомъ толкались люди, странно махая руками и корча рожи. Безпрестанно изъ маленькихъ дверей деревяннаго флигеля, гдѣ жилъ главный прикащикъ завода, Ѳ. Г. Волковъ, съ братьями, пробѣгали въ сарай люди необычайнаго вида: въ какихъ-то полосатыхъ зипунахъ, окутанные разноцвѣтными полотнами, съ позументными повязками на головахъ и съ ногами, перевязанными лентами"... „А изъ оконъ большого каменнаго дома раздавались звуки гусель и бубенъ, звонъ серебряныхъ ковшей и пѣніе. Богатый Полушкинъ справлялъ свое рожденіе"... Наконецъ, гости пошли изъ дома къ сараю. „Полушкинъ, въ смазныхъ нѣмецкихъ сапогахъ, поглаживая рыжую бородку, сталъ у входа и,

низко кланяясь, уговаривалъ гостей словами: „Просимъ! Пожалуйте! Заморскіе фокусы покажемъ-съ! Не погнушайтесь, добрые люди. И у насъ копѣйка не щербата; вѣдь и мы нѣмцамъ не подметка: нѣмецкую-то удаль на православный ладъ отхватаемъ—ахти мнѣ! Прошу покорнѣйше!“... Всѣ вошли, ворота запахнулись, только глухо неслись звуки гусель и бандуры, да постукиванье въ мѣдные тазы“. За этими воротами „шла дотолѣ еще невиданная театральная потѣха“: Волковъ поставилъ свой первый въ Ярославлѣ спектакль, состоявшій изъ трагедіи Расина „Эсѳирь“. „Новость такого рода зрѣлища, декораціи и небывалый нарядъ актеровъ приводили въ восторгъ всю публику, и безъ того хорошо подготовленную къ удовольствію обильнымъ обѣдомъ и виннымъ угощеніемъ хозяина“.

Въ общемъ въ этой картинѣ много сходнаго съ той, которую нарисовалъ и князь Шаховской въ своей комедіи. Одинакова также у обоихъ авторовъ и главная ошибка, извращающая въ значительной степени дѣйствительныя обстоятельства дѣла: существованіе въ живыхъ Полушкина.

Дальше Кони описываетъ развитіе начатаго Волковымъ театральнаго дѣла. „Спектакли въ сараѣ Полушкина стали повторяться. Народъ находилъ въ нихъ съ каждымъ разомъ новое наслажденіе, сарай становился тѣснымъ, и Волковъ, восторженный, пламенный актеръ, бросилъ все, увлекъ за собою друзей своихъ и вполнѣ отдался сценическому искусству. Онъ нашелъ покровителей: воевода Мусинъ-Пушкинъ и Майковъ помогали ему всѣми средствами. Майковъ отдалъ ему свой домъ подъ театръ, а Мусинъ-Пушкинъ взялся

платить за всѣ издержки перестройки и сооруженія сцены, машинъ, декорацій и костюмовъ. Театръ организовался правильно, и молодые люди составили труппу, которая прокармливалась скудною платою зрителей за входъ и въ рубищахъ блаженствовала на своихъ помостахъ".

„Ярославская труппа улучшалась съ каждымъ днемъ. Геніальный Волковъ трудился безъ отдыха и устали: писалъ декораціи, сооружалъ машины, компоновалъ костюмы. Онъ былъ вмѣстѣ директоръ, режиссеръ, декораторъ, машинистъ, суфлеръ и гардеробмейстеръ своего театра и въ то же время игралъ первыя роли въ трагедіяхъ и комедіяхъ".

Наконецъ, пришелъ указъ отправить ихъ передъ Царскія очи.

Можно согласиться съ Кони, что „при этомъ извѣстіи восторгъ молодыхъ актеровъ былъ неописанный,— они прыгали отъ радости". Менѣе правдоподобно его замѣчаніе о томъ, что „даже строгое купечество ярославское гордилось ихъ честью и прощало за введеніе въ православномъ городѣ чертобѣсія, какъ они величали театръ".

Статья Кони въ той, главнымъ образомъ, ея части, изъ которой сдѣлано выше извлеченіе, вызвала, какъ я уже замѣтилъ, поправки и дополненія ярославскаго купца Серебренникова, писавшаго кое-что по исторіи родного города и издателя мѣстнаго „Сборника". По существу дѣла онъ сказалъ мало новаго и самъ не избѣжалъ общей ошибки о Полушкинѣ.

Начиная свое возраженіе Кони, Серебренниковъ замѣчаетъ, что статья біографа Дмитревскаго „напол-

лушкинъ щеголялъ не въ смазныхъ, а въ козловыхъ сапогахъ, и поглаживалъ не бородку, а окладистую бороду.

Упрекая Кони въ томъ, что тотъ назвалъ Волкова главнымъ прикащикомъ, тогда какъ онъ былъ пасынкомъ Полушкина, Серебренниковъ тоже не совсѣмъ правъ. Кони могъ такъ назвать Волкова, бывшаго главнымъ распорядителемъ по заводскимъ дѣламъ, какъ это извѣстно изъ указа Бергъ-Коллегіи. Но онъ не зналъ объ этомъ указѣ и далъ такую должность Волкову по собственнымъ соображеніямъ.

Одно замѣчаніе Серебренникова имѣетъ основаніе: селитренные, сѣрные и кожевенные заводы Полушкина „не обхватывали весь переулокъ“ около его дома, а находились въ разныхъ мѣстахъ. Вслѣдъ за этимъ замѣчаніемъ авторъ приводитъ свѣдѣнія о мѣстоположеніи заводовъ и дома, сообщенныя имъ потомъ въ „Ярославскомъ Литературномъ Сборникѣ“.

Во всѣхъ этихъ фантазіяхъ и разсказахъ трудно доискаться исторической правды. Мелкихъ ошибокъ въ нихъ не стоитъ и касаться,—они несущественны. Главнѣйшая ихъ неточность—косвенное участіе Полушкина въ открытіи театра, тогда какъ его уже не было въ живыхъ, и Волковъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно. Не будь этого, Полушкинъ, можетъ быть, въ дѣйствительности не такъ бы благосклонно отнесся къ забавѣ своего пасынка и прекратилъ бы ее въ самомъ зародышѣ. Что было бы при этихъ условіяхъ, нельзя рѣшить, — возможно, что Волковъ и не справился бы съ грубой, подавляющей силой запрета.

VI.

Волковъ въ Ярославлѣ.—Основаніе театра.

Какъ же было дѣло?

Пользуясь несомнѣнными и вѣроятными чертами біографіи Волкова и извлеченіями изъ указа Берг-Коллегіи и журналовъ Ярославскаго магистрата, попробуемъ отвѣтить на этотъ вопросъ [19]).

Принимая за вѣроятное, что Волковъ учился въ Москвѣ, слѣдуетъ считать годомъ его возвращенія въ Ярославль 1743 годъ или даже 1742 годъ, но, во всякомъ случаѣ, не 1746 годъ, какъ полагаютъ нѣкоторые біографы. Для нихъ основаніемъ служитъ указаніе на этотъ годъ, сдѣланное Новиковымъ. Однако, надо принять во вниманіе, что Новиковъ къ 1746 году относитъ отправленіе Волкова въ Петербургъ, о возвращеніи же изъ Москвы совсѣмъ не упоминаетъ. А, между тѣмъ, какъ выяснилось выше, Волковъ въ 1743 году принималъ уже участіе въ заводскихъ дѣлахъ отчима и, слѣдовательно, жилъ въ Ярославлѣ.

Рѣшительнымъ моментомъ въ жизни юноши была, какъ извѣстно, его поѣздка въ Петербургъ, гдѣ онъ близко познакомился съ закулисной сторопой театральнаго дѣла и гдѣ въ немъ окончательно созрѣла мысль устроить театръ на родинѣ. Новиковъ относитъ эту поѣздку къ 1746 году, и изъ его разсказа можно заключить, что Волковъ былъ въ Петербургѣ только одинъ разъ. Нельзя, однако, не упомянуть о свидѣ-

тельствѣ другого историка, который утверждаетъ, что „Волковъ былъ посылаемъ отчимомъ каждый годъ въ Петербургъ для распродажи товару и для разныхъ закупокъ“. Эти свѣдѣнія сообщаетъ племянникъ драматурга Сумарокова, П. И. Сумароковъ, заимствовавшій ихъ изъ бумагъ своего дяди и провѣрившій ихъ по указаніямъ И. А. Дмитревскаго [20]). Здѣсь снова мы встрѣчаемся, какъ и у Шаховского, съ показаніями сотоварища Волкова, „который питалъ къ памяти образователя россійскаго театра особенныя чувства уваженія и благодарности, бывъ взысканъ и отличенъ имъ“ [21]).

Ничего, разумѣется, нѣтъ невозможнаго въ томъ, что способный и не по годамъ развитой юноша совершалъ дѣловыя поѣздки въ Петербургъ съ 14 — 15 лѣтняго возраста*). Но врядъ ли въ эти кратковременные промежутки пребыванія въ столицѣ могъ онъ пріобрѣсти всѣ тѣ знанія въ наукахъ, языкахъ, художествахъ и особенно въ театральномъ дѣлѣ, со которыми онъ явился въ Ярославлѣ, какъ руководитель открытаго имъ театра.

Существуетъ и еще одинъ варіантъ данныхъ о времени поѣздки Волкова въ сѣверную столицу, приводимый въ одномъ изъ самыхъ первыхъ матеріаловъ по исторіи русскаго театра, а именно въ извѣстіи Штелина [22]). Здѣсь пріѣздъ Волкова въ Петербургъ отнесенъ къ 1748 году. И въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Эта поѣздка, не исключающая также и дру-

*) Вспомнимъ, напримѣръ, купеческаго сына Н. А. Полевого, котораго въ такомъ же возрастѣ отецъ отправилъ изъ Иркутска въ Москву по торговымъ дѣламъ.

гихъ, могла состояться послѣ смерти Полушкина. Все это не измѣняетъ нисколько сущности дѣла. Однако, гораздо правдоподобнѣе предположить, что Волковъ прожилъ въ Петербургѣ, передъ послѣднимъ возвращеніемъ въ Ярославль, года два, что не исключаетъ также и его непродолжительныхъ поѣздокъ. Отправленный туда отчимомъ въ 1746 году, онъ вернулся въ Ярославль уже послѣ смерти Полушкина, послѣдовавшей въ 1747 году, какъ видно изъ указа Государственной Бергъ-Коллегіи *). И почти несомнѣнно, что причиной возвращенія его въ Ярославль именно и была кончина отчима, послѣ котораго онъ оставался старшимъ въ семьѣ.

Какое же значеніе имѣли эти поѣздки въ Петербургъ для судьбы Волкова и русскаго театра?

Со времени возвращенія его изъ Москвы до отъѣзда въ Петербургъ прошло три года.

Къ этому времени и относится, вѣроятно, сообщеніе Новикова, что Волковъ началъ упражняться въ театральныхъ представленіяхъ „съ самыхъ юныхъ лѣтъ“. Академическіе и госпитальные спектакли должны были произвести на воспріимчиваго мальчика сильное впечатлѣніе, а особенно если онъ и самъ въ нихъ участвовалъ. Въ разсказахъ Волкова своимъ ярославскимъ товарищамъ о Москвѣ и объ академіи, театръ, глубоко запавшій въ воображеніе его, былъ, конечно, на первомъ планѣ. Отъ разсказовъ недолго было перейти и къ попыткѣ устроить здѣсь, въ Яро-

*) Въ другомъ мѣстѣ указа годъ смерти Полушкина обозначенъ датою 1748 года. Неизвѣстно, въ какой изъ этихъ цифръ сдѣлана описка или опечатка, но это не измѣняетъ обстоятельствъ.

славлѣ, разыгрываніе или просто чтеніе какой-нибудь привезенной изъ Москвы драмы или интермедіи.

Занятія заводскими дѣлами не могли быть особенно по душѣ Волкову, но онъ былъ способенъ ко всякой дѣятельности и потому отчимъ не имѣлъ никакого повода устранить его отъ дѣла. Напротивъ, Полушкинъ, вполнѣ увѣренный въ дѣловитости Волкова, послалъ его въ Петербургъ по торговымъ дѣламъ. Поѣздка въ Петербургъ должна была обрадовать юношу. Если коммерція представляла для него мало интереса, то надежда, удовлетворить своей жаждѣ знаній, научиться многому, чего не дала любознательному Волкову московская академія, придавали его поѣздкѣ совсѣмъ особенный внутренній смыслъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Волковъ поступилъ въ нѣмецкую торговую контору, чтобы научиться бухгалтеріи и правильнымъ торговымъ пріемамъ. И здѣсь сказалась богато-одаренная натура Волкова. Дѣла своего отчима онъ велъ съ большимъ вниманіемъ, проявляя вездѣ свою энергію, умъ и сообразительность, но находилъ время удовлетворять и своимъ духовнымъ потребностямъ, учиться и развивать свой умственный кругозоръ. Онъ нашелъ возможность побывать въ театрѣ, устройство котораго нельзя было, конечно, и сравнивать съ ученической сценой академіи и который могъ окончательно поразить юное воображеніе впечатлительнаго провинціала. Біографы Волкова разсказываютъ, что онъ случайно попалъ съ своимъ нѣмцемъ-хозяиномъ на представленіе итальянской оперы въ придворномъ театрѣ и пришелъ въ восторгъ отъ видѣннаго имъ въ первый разъ насто-

ящаго театра. Еще вѣроятнѣе, что не простая случаiность привела Волкова въ театръ. Его врожденныя артистическія наклонности требовали пищи, и побывать въ театрѣ было для него необыкновеннымъ удовольствіемъ. Расположеніе къ нему нѣмца - хозяина только облегчило туда доступъ.

Это посѣщеніе оперы было главнымъ толчкомъ въ развитіи его страсти къ сценѣ. Онъ нашелъ возможность бывать также и на спектакляхъ въ кадетскомъ корпусѣ, которые произвели на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ не зналъ, по его словамъ, гдѣ онъ былъ,—на землѣ или на небесахъ.

Судьба молодого ярославца была рѣшена. Съ этого времени въ немъ стала созрѣвать мысль устроить своiй театръ. Сцена представляетъ собою могучую притягательную силу для тѣхъ, въ комъ теплится артистическая искра, призваніе. Сцена увлекла и Волкова. Задумавъ создать театръ, онъ началъ горячо изучать театральное дѣло и усердно посѣщалъ нѣмецкіе, французскіе и особенно итальянскіе спектакли. Наблюдая игру актеровъ, Волковъ усвоивалъ себѣ сценическіе пріемы; заходя иногда, благодаря знакомству съ актерами, за - кулисы, онъ старался знакомиться съ устройствомъ сцены, срисовывалъ декораціи, дѣлалъ чертежи, снималъ модели, разсматривалъ театральныiй механизмъ, изучалъ, насколько это тогда было можно, теорію сценическаго искусства, и вникалъ въ режиссерскую дѣятельность. Итальянцы, у которыхъ Волковъ преимущественно пріобрѣталъ сценическія познанія, были и сами не особенно искусные актеры, но наблюдательность и врожденныiй художественныiй

вкусъ помогали ему разобраться въ томъ, что у нихъ было плохо, что—хорошо.

Въ Петербургѣ открывалась широкая возможность и для другихъ занятій Волкова въ области искусствъ. Онъ могъ учиться всему, что интересовало его,—живописи, музыкѣ, языкамъ. Въ Петербургѣ Волковъ пробылъ меньше двухъ лѣтъ, но благодаря своей упорной энергіи и воспріимчивости успѣлъ, вѣроятно, много узнать, увидѣть и изучить.

Въ 1748 году Волковъ пріѣхалъ изъ столицы, обогащенный запасомъ научныхъ и художественныхъ познаній, съ загорѣвшеюся въ душѣ страстью къ театру, а въ 1749 году онъ именуется въ ревизской сказкѣ „содержателемъ“ заводовъ. Личное и имущественное положеніе Волкова стало самостоятельнымъ и обусловливало для него извѣстную свободу дѣйствій въ достиженіи цѣлей, сопряженныхъ съ страстью къ театру.

Но прежде, чѣмъ говорить о способахъ и средствахъ, которыми Волковъ стремился осуществить свое призваніе, остановимся на вопросѣ объ его имущественномъ положеніи.

У Полушкина отъ перваго брака была дочь, Матрена, по мужу Кирпичева. Она-то, послѣ смерти отца, и вступила въ тяжбу съ братьями Волковыми. Началось съ того, что мужъ Кирпичевой представилъ въ 1750 году ко взысканію вексель на двѣ тысячи рублей, выданный ему Полушкинымъ. Какъ бы въ отвѣтъ на это, братья Ѳедоръ, Алексѣй и Гаврило Волковы просили Провинціальную канцелярію о записи заложеннаго у нихъ, въ полутора тысячахъ рублей,

еще въ 1744 году двора Полушкина и уже просроченнаго *). Тогда выступила Матрена Кирпичева и заявила, что послѣ отца наслѣдницей осталась она, а пасынки завладѣли не только имѣніемъ, но и запечатаннымъ сундучкомъ отчима, въ которомъ хранились крѣпостныя бумаги, векселя, записныя и долговыя купеческія книги, письма; двора же своего Полушкинъ пасынкамъ не закладывалъ и закладная составлена ихъ происками. Это доказывается тѣмъ, что отецъ ея „грамотѣ и писать не умѣлъ“, а такіе закладчики по закону должны быть опрашиваемы предварительно. Потому-то Волковы, по ея словамъ, и не предъявили закладной при жизни отчима.

Дѣло тянулось, и въ 1753 году Матрена Кирпичева снова била челомъ на своихъ сводныхъ братьевъ. Волкова въ это время уже не было въ Ярославлѣ, и прошеніе Кирпичевой выясняетъ нѣкоторыя обстоятельства относительно Ярославскаго театра. Она снова заявляетъ, что Волковы незаконно завладѣли наслѣдствомъ, такъ какъ Полушкинъ, хотя и принялъ ихъ въ 1744 году въ товарищи и обѣщалъ наградить половиною изъ прибыли и четвертою частью наслѣд-

---

*) Въ своемъ рефератѣ, прочитанномъ въ засѣданіи Ярославской ученой архивной коммиссіи 17 марта 1900 г., Н. Г. Работновъ сообщаетъ, что въ ревизскихъ сказкахъ Ярославля за 1745 годъ нигдѣ, ни въ одной сотнѣ не записаны ни одинъ изъ братьевъ Волковыхъ. По мнѣнію референта „можно положительно сказать, что Волковы не жили не только въ домѣ отчима Полушкина, но даже вовсе въ Ярославлѣ“. Однако, какъ видятъ читатели, всѣ другія обстоятельства опровергаютъ это мнѣніе. Отсутствіе же ихъ именъ въ ревизскихъ сказкахъ нельзя ли объяснить тѣмъ, что они принадлежали къ костромскому купечеству.

ства, но впослѣдствіи „усмотрѣлъ ихъ, Волковыхъ, неспособныхъ и къ заводскому произведенію нерачительныхъ“ и ничего имъ въ наслѣдство не оставилъ. Волковы же, „не зная къ заводскому дѣлу искусства ни малаго, въ томъ не употребляли раченія и, вѣдая, что имъ непрочны оные заводы, привели ихъ въ крайнее несостояніе и заводскихъ людей, вмѣсто надлежащей должности, употребляютъ при себѣ въ комедіи и въ прочія свои услуги“.

Бергъ-Коллегія не устранила Волковыхъ отъ заводскаго дѣла, но признала и Кирпичеву въ немъ дольщицей. А относительно нерадѣнія Волковыхъ, неумѣнья ихъ вести дѣло и проч. приказала произвести дознаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разслѣдовать, внесли ли они и какую сумму денегъ въ товарищество, или капиталъ въ заводскомъ предпріятіи принадлежалъ только одному Полушкину, и имѣются ли у нихъ на то документы. Мѣсяцевъ черезъ пять послѣ этого распоряженія, въ маѣ 1754 года, Кирпичева не вступала еще въ „заводское произвожденіе“ и заявляла, что Волковы избѣгаютъ слѣдствія, людямъ запрещаютъ работать и денегъ въ „компанейское дѣло“ — на покупку матеріаловъ, котловъ и проч.—не даютъ. Снова просила она, чтобъ ихъ, какъ „чужеродцевъ“, нерадѣтельныхъ и некапиталистовъ, отстранить отъ завода.

Черезъ мѣсяцъ и рабочіе обратились въ Бергъ-Коллегію съ прошеніемъ, въ которомъ заявляли, что „отъ неприлежнаго Волковыхъ произведенія и неположеніемъ своего капитала и несмотрѣніемъ оные заводы привели во всеконечный упадокъ и подрывъ, и затѣмъ оставили ихъ безъ работы и привели въ убо-

жество и раззореніе". Съ октября же 1753 года рабочіе при заводахъ только числятся и, чѣмъ кормиться имъ, не знаютъ; подчиняться же Кирпичевой и для нея работать имъ запрещаютъ Волковы.

Слѣдствіе, которое произвела въ томъ же маѣ мѣсяцѣ Ярославская Провинціальная канцелярія, не дало никакихъ положительныхъ результатовъ. Изъ Волковыхъ въ Ярославлѣ въ то время находился только одинъ Иванъ, заявившій, что онъ къ заводскимъ дѣламъ нисколько непричастенъ; старшіе же его братья: Ѳедоръ—„при россійскомъ театрѣ актіоромъ", Алексѣй и Гаврило—въ Москвѣ, а Григорій—въ Петербургѣ. Иванъ Волковъ на-отрѣзъ отказался дать какія бы то ни было свѣдѣнія о заводахъ, отзываясь полнымъ незнаніемъ дѣла. Точно также ничего не добились незадолго передъ этимъ и отъ Алексѣя Волкова. Провинціальной канцеляріи пришлось лишь удостовѣрить, что и ярославскіе, и унженскіе заводы Полушкина были совершенно запущены, строеніе начинало гнить, и изъ всего видно, что Волковы о заводахъ ни чуть не заботились.

Когда же удалось, наконецъ, допросить Алексѣя и Гаврилу Волковыхъ, то они оправдывались отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій, утверждая, что о заводахъ братья имѣли раченіе, понимаютъ это дѣло и заводскихъ рабочихъ ни для какихъ постороннихъ работъ не употребляли. Что касается до братьевъ Ѳедора и Григорія, то они еще въ 1752 году взяты, по Императорскому указу, въ Петербургъ, „для представленія комедій, и имѣются-де тамъ при россійскомъ театрѣ актіорами". Относительно денежныхъ счетовъ

съ Полушкинымъ Волковы показали, что въ заводское дѣло братья положили своихъ денегъ полторы тысячи рублей, да, кромѣ того, заплатили около этой суммы по векселямъ Полушкина, заложившаго имъ свой дворъ. Другихъ дѣловыхъ подробностей они не знали и замѣтили, что „о томъ и показать можетъ, и всякія заводскія письма имѣетъ у себя большой ихъ братъ, Ѳедоръ“.

Конецъ тяжбѣ и заводскому дѣлу Волковыхъ положилъ указъ Бергъ-Коллегіи, отъ 18-го августа 1754 года, признавшій единственной наслѣдницей заводовъ Кирпичеву и установившій, что капитала Волковыхъ въ дѣло положено не было. Братьевъ приказано было исключить изъ заводчиковъ, а о денежныхъ дѣлахъ ихъ съ Кирпичевой вѣдаться имъ между собою. Кирпичева вскорѣ умерла, и съ нею прекратилось прямое потомство Ѳедора Полушкина *).

Указъ Бергъ-Коллегіи даетъ возможность вывести изъ него нѣкоторыя заключенія. Волковъ стоялъ во главѣ заводскаго дѣла и владѣлъ вмѣстѣ съ братьями нѣкоторымъ имуществомъ. Все это, однако, не заставило его продолжать предпріятіе отчима, а, напротивъ, увлекаясь театромъ, онъ, какъ можно повѣрить Кирпичевой, дѣйствительно не имѣлъ никакого

*) Въ настоящее время, по моимъ справкамъ въ Ярославской Городской управѣ, въ Ярославлѣ нѣтъ фамилій Полушкиныхъ и Кирпичевыхъ. Фамилія Волковыхъ встрѣчается въ дѣлахъ 1758 года, въ лицѣ Алексѣя Григорьевича. Самъ Волковъ еще въ 1753 году числился костромскимъ купцомъ. Теперь, какъ выяснили тѣ же справки, Волковыхъ въ Ярославлѣ чуть не четверть города, и я не рѣшился искать между ними родственниковъ основателя русскаго театра.

раченія объ успѣхѣ заводовъ, и они постепенно клонились къ полному упадку. Нельзя не отмѣтить и того, что Волковъ, устраивая свой театръ для народа, привлекалъ и самый народъ, въ лицѣ своихъ рабочихъ, къ участію въ театральныхъ представленіяхъ. Такимъ образомъ, вотъ гдѣ начало нашихъ фабричныхъ театровъ, развитіе которыхъ въ нынѣшнее время становится очень замѣтнымъ.

Хотя Ѳедоръ Волковъ и не принималъ никакого непосредственнаго участія въ изложенной тяжбѣ, но она касалась его очень близко, какъ старшаго изъ братьевъ, распоряжавшагося заводскими дѣлами. Вполнѣ понятно, почему онъ не тягался съ Кирпичевой: его думы и стремленія были тогда далеко отъ заводскихъ дѣлъ. Нельзя сомнѣваться, что если бы даже счастливый случай, въ видѣ пріѣхавшаго изъ Петербурга чиновника Игнатьева, не помогъ ему выбраться изъ Ярославля, то и безъ этого Волкова скоро бы потянуло оттуда къ свѣту и къ осуществленію зародившихся въ немъ стремленій.

Возвратившись, послѣ смерти отчима, изъ Петербурга и ставъ во главѣ торгово-промышленнаго предпріятія, Волковъ не подпадаетъ подъ вліяніе нравовъ и обычаевъ своей среды, его не соблазняетъ распространенный тогда тайный разгулъ молодыхъ купчиковъ, а онъ избираетъ себѣ развлеченіе по сердцу—устраиваетъ театръ и руководитъ имъ. Подробностей объ этомъ первомъ русскомъ театрѣ сохранилось, къ сожалѣнію, чрезвычайно мало. Общеизвѣстныя свѣдѣнія, ничѣмъ не опровергнутыя и не подтвержденныя, представляютъ это дѣло въ такихъ общихъ чертахъ.

Подобравъ небольшую труппу молодыхъ „охотниковъ“, Волковъ устраиваетъ спектакли въ одной или двухъ комнатахъ своего дома; затѣмъ переходитъ въ болѣе обширное помѣщеніе — въ кожевенный сараи, тутъ же во дворѣ. Театральныя представленія заинтересовали многихъ ярославцевъ, и Волковъ находитъ сочувствіе среди мѣстнаго общества, изъ котораго особенное покровительство оказываютъ ему воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ Майковъ. Собираются деньги, и Волковъ устраиваетъ обширный театръ на тысячу человѣкъ зрителей, платившихъ, по однимъ свѣдѣніямъ, отъ копѣйки до пятака, а по другимъ— отъ 3 до 25 копѣекъ за мѣсто. Репертуаръ состоялъ изъ драмы „Эсѳирь“, пасторали „Эвмонъ и Берфа“, мистерій Св. Димитрія Ростовскаго и оперы Метастазіо—„Титово милосердіе“, переведенной самимъ Волковымъ, а также изъ его комедій бытовыхъ и написанныхъ на ярославскіе нравы, изъ комедій Мольера, изъ трагедій Сумарокова и Ломоносова. Спектакли въ кожевенномъ амбарѣ относятъ къ 1750 году, а въ большомъ театрѣ—къ 1751 году.

Но при опредѣленіи времени ярославскихъ спектаклей необходимо знать, что играть комедіи въ частныхъ домахъ было разрѣшено указомъ Императрицы Елизаветы Петровны лишь 21 декабря 1750 г. Нельзя поэтому не соглашаться съ однимъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей русскаго прошлаго, что до этого указа представленіе русскихъ комедій въ частномъ быту вовсе не разрѣшалось, почему и ярославскій театръ, вѣроятно, могъ возникнуть только послѣ указа [23]).

О томъ, какими преданіями и разсказами сопро-

вождается основаніе и дѣятельность Волковскаго театра, читатели знаютъ уже изъ предыдущей главы. Сказать по этому поводу что-нибудь болѣе достовѣрное не представляется возможнымъ, за отсутствіемъ данныхъ.

Отъ самыхъ театровъ Волкова въ Ярославлѣ не осталось никакихъ слѣдовъ; ничѣмъ не отмѣчены и тѣ мѣста, гдѣ они находились. Мои разспросы и обслѣдованіе не привели къ тѣмъ результатамъ, которыхъ я ожидалъ. Наиболѣе достовѣрнымъ можно признать мѣстонахожденіе того кожевеннаго амбара, въ которомъ Волковъ устроилъ первую сцену. Этотъ амбаръ представлялъ собою большое каменное, со сводами, зданіе, продолговатой формы, и стоялъ на усадебной землѣ Полушкина, ближе къ Николо - Надѣинской церкви. Когда Пробойная улица прорѣзала усадьбу, бывшую Полушкина и Волковыхъ, амбаръ этотъ находился на землѣ Шишкова, принадлежащей въ настоящее время къ дому Пастуховыхъ. По разсказамъ старожиловъ, амбаръ существовалъ до 1831 года и долго служилъ для виннаго склада. На нашемъ планѣ мѣсто амбара обозначено № 16 *).

---

*) О театрѣ въ кожевенномъ амбарѣ первое извѣстіе встрѣчается въ статьѣ П. И. Сумарокова — „О россійскомъ театрѣ“ („Отечественныя Записки“, 1822 г., № 32. См. примѣчаніе 20). О позднѣйшемъ существованіи амбара упоминаетъ митрополитъ Евгеній („Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей...“, изд. 1838 г., стр. 218) и болѣе подробно разсказываетъ Серебренниковъ въ „Ярославскомъ Литературномъ Сборникѣ“ (1850 г., стр. 131, примѣч. 6). Митрополитъ Евгеній замѣчаетъ, между прочимъ, что „амбаръ сохраняется, какъ колыбель русскаго театра“. Но изъ того, что въ амбарѣ былъ складъ вина, а потомъ онъ и совсѣмъ

Не такъ легко найти мѣсто „большого“ театра. По однимъ разсказамъ, театръ былъ построенъ въ Полушкиной рощѣ, другіе утверждаютъ, что — при заводѣ, трётьи — на землѣ Майковыхъ, близъ Полушкиной рощи, наконецъ — въ домѣ Майковыхъ, неподалеку отъ дома Волковыхъ, а въ „Хроникѣ русскаго театра“ Носова „новый театръ I-й гильдіи купца Ѳ. Г. Волкова“ значится просто на Никольской улицѣ.

Новиковъ, первый біографъ Волкова, совсѣмъ не

исчезъ съ лица земли, совсѣмъ не слѣдуетъ, что о сохраненіи историческаго зданія кто-нибудь заботился. Мѣстный историкъ, К. Д. Головщиковъ, въ своей „Исторіи города Ярославля“ замѣчаетъ: „По преданію, амбаръ этотъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ теперь Пробойная улица, между угломъ сада при домѣ Пастухова и угломъ зданія присутственныхъ мѣстъ“ (стр. 189). Я отношу амбаръ въ глубину сада Пастуховыхъ, потому что иначе надворная постройка, и при томъ такая, какъ амбаръ для склада кожъ, стояла бы слишкомъ близко къ дому и выдвигалась бы за лицевой его фасадъ. Мое соображеніе подтвердилъ владѣлецъ дома Волкова, Я. С. Колмогоровъ, удостовѣрившій, что его отецъ помнилъ и самый амбаръ, представлявшій каменную палатку, и его мѣстоположеніе, ближе къ церкви. Да и, кромѣ того, какъ амбаръ могъ существовать до 1831 года, если онъ стоялъ на самой Пробойной улицѣ, пробитой еще въ прошломъ столѣтіи? Н. Г. Работновъ, въ указанномъ выше рефератѣ, сообщаетъ, что на планѣ Ярославля 1780 годовъ нѣтъ никакихъ указаній на существованіе этого амбара, хотя на планѣ нанесены незначительныя холостыя постройки. На основаніи этого Н. Г. Работновъ полагаетъ, что амбаръ, служившій въ 1830 годахъ виннымъ складомъ былъ построенъ или въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII столѣтій. Кромѣ того, Н. Г. Работновъ сообщаетъ, что кожевеннаго завода Ѳедоръ Полушкинъ не имѣлъ. Онъ основываетъ это предположеніе на томъ, что въ переписной книгѣ 1717 г. всѣ Полушкины значатся занимающимися производствомъ восковыхъ свѣчей и торговлей ими. Но это нисколько не устраняетъ возможности кожевеннаго производства у Полушкина въ 1740 годахъ.

упоминаетъ о кожевенномъ сараѣ и прямо переводитъ Волкова съ его труппой въ „большой“ театръ. По его разсказу, когда Волковъ заставилъ „возчувствовать пользу и забавы, происходящія отъ театра, и самыхъ тѣхъ, которые ни знаніе, ни вкуса въ ономъ не имѣли“, то маленькій театръ сталъ тѣсенъ для умножавшагося числа зрителей. Нужно было строить болѣе обширное помѣщеніе, но отчимъ, хвалившійся передъ другими театромъ пасынка какъ рѣдкостью, вовсе не желалъ раскошеливаться на „дѣтскія игрушки“. Тогда Волковъ „возымѣлъ прибѣжище къ зрителямъ“.

Полушкина, какъ мы знаемъ, тогда уже не было въ живыхъ, но Волковъ „возымѣлъ прибѣжище къ зрителямъ“ потому, что его собственныя средства были незначительны для такого большого дѣла и подорваны „нерачѣніемъ“ о заводахъ. Да и, кромѣ того, подписка на театръ, которую придумалъ Волковъ, привязывала къ новой затѣѣ участниковъ въ пожертвованіи капитала, пріобрѣтала для театра сочувствіе общества. Театръ на 1000 человѣкъ былъ сооруженъ, при чемъ Волковъ являлся и архитекторомъ, и машинистомъ, и живописцемъ, а потомъ главнымъ директоромъ и первымъ актеромъ, и вообще „всему самъ онъ былъ изобрѣтатель“. О мѣстѣ, на которомъ находился этотъ театръ, Новиковъ не упоминаетъ.

Въ слѣдующемъ, по времени, извѣстіи Штелина сообщается, что Волковъ, по возвращеніи въ Ярославль, „сдѣлалъ въ домѣ отца своего маленькій театръ, расписалъ порядочно оный и набралъ комедіантовъ“. А затѣмъ, „въ 1750 году, купивъ пустое

въ городѣ мѣсто и собравъ отъ ярославскаго дворянства нѣкоторую сумму денегъ, Волковъ выстроилъ порядочный театръ, на которомъ съ своимъ обществомъ игралъ за деньги". Но и Штелинъ, подобно Новикову, не обозначаетъ, гдѣ это „пустое мѣсто" находилось.

По матеріаламъ, извлеченнымъ изъ бумагъ Сумарокова и провѣреннымъ Дмитревскимъ *), видно, что Волковъ началъ устраивать спектакли не въ комнатѣ, а прямо въ кожевенномъ сараѣ, и продолжалъ ихъ по праздничнымъ днямъ. Потомъ, послѣ смерти Полушкина, на собранныя деньги, „и присовокупя къ тому большое съ своей стороны пожертвованіе", онъ построилъ деревянный театръ „по всѣмъ правиламъ строгаго механизма, тогда существовавшаго". И снова нѣтъ указаній на мѣстоположеніе театра. Изъ „Лѣтописи" князя Шаховского видно, что, послѣ театра въ кожевенномъ амбарѣ, „небольшой прародитель нынѣшнихъ огромныхъ театровъ" былъ построенъ Волковымъ на берегу Волги.

У одного изъ старинныхъ историковъ, Н. И. Греча, встрѣчается указаніе на то, что для театра Майковъ предлагалъ Волкову домъ своего отца [24]). Здѣсь подъ Майковымъ разумѣется не старикъ Иванъ Степановичъ, а сынъ его, поэтъ, Василій Ивановичъ, на котораго, по словамъ его біографа, и Волковъ, и Дмитревскій имѣли вліяніе въ отношеніи увлеченія литературными занятіями [25]).

Серебренниковъ въ своей статьѣ утверждаетъ, что

---

*) См. примѣчаніе 20.

для театра приспособленъ былъ амбаръ въ Полушкиной рощѣ, принадлежавшей Майкову; роща эта расположена на краю оврага, на другой сторонѣ котораго стоялъ, будто бы, заводъ Полушкина. Отчимъ Волкова, пріѣзжая на заводъ, заходилъ и въ рощу, чтобы повеселиться и посмотрѣть на забавы пасынка. Но врядъ ли это происходило такъ: не говоря уже о томъ, что Полушкина тогда не было въ живыхъ, и заводъ-то Волковыхъ находился съ другой стороны окрестностей Ярославля [26]). Съ Серебренниковымъ относительно театра въ амбарѣ Полушкиной рощи согласенъ и біографъ Майкова [27]); но расположеніе владѣній какъ разъ, кажется, было наоборотъ: роща принадлежала Полушкину, а мѣсто съ другой стороны оврага—Майкову, гдѣ и могъ находиться амбаръ.

По свѣдѣніямъ Серебренникова выходитъ, что у Волкова былъ еще театръ на заводѣ. Это довольно сбыточное преданіе. Пока заводское дѣло не пришло еще въ окончательный упадокъ, Волковъ бывалъ нерѣдко на заводѣ и могъ приспособить какой-нибудь сараи для театральныхъ представленій съ рабочими.

„Хроника“ Носова, обозначая неопредѣленно мѣстоположеніе Волковскаго театра — „на Никольской улицѣ“,—тѣмъ не менѣе, не точнѣе ли всѣхъ даетъ указаніе. Дѣло въ томъ, что загородная Полушкина роща и сосѣдняя съ нею земля Майковыхъ на берегу Волги расположены были далеко отъ центра города, и едва ли тамъ удобно было устраивать публичный театръ. Именно гдѣ-нибудь въ Никольской улицѣ или по близости, т. е. неподалеку отъ своего дома, Волкову всего сподручнѣе было построить театръ. И для посѣ-

тителей-ярославцевъ это было очень удобное по центральности мѣсто.

Мои розыски наводятъ меня еще на одно предположеніе по этому поводу. По словамъ одного изъ мѣстныхъ историковъ-старожиловъ [28]), домъ Майкова находился по сосѣдству съ землею Волковыхъ. Теперь этотъ домъ принадлежитъ г-жѣ Корниловой (на планѣ онъ обозначенъ подъ № 14). Домъ бывшій Майковыхъ не совсѣмъ обычной архитектуры: очень высокій, двухъ-этажный, значительно удлиненный въ глубину двора, съ фронтономъ, — онъ напоминаетъ театральное зданіе. Не тотъ ли это амбаръ Майковыхъ,—приспособленный Волковымъ подъ театръ,— о которомъ упоминалось выше, а собственно домомъ Майковыхъ не былъ ли нынѣшній домъ Кокушкина, стоящій ближе къ дому Волковыхъ и отдѣленный отъ послѣдняго церковью Всѣхъ Святыхъ?...

Во всякомъ случаѣ, неизвѣстно пока, гдѣ именно находился этотъ „большой“ театръ Волкова. Извѣстно лишь,—и это, конечно, всего важнѣе,—что изъ этого театра Ѳ. Г. Волковъ, вмѣстѣ съ другими „комедіантами-охотниками“, былъ, по именному Императрицы Елизаветы Петровны указу, отправленъ въ столицу, чтобы выступить на подмосткахъ придворнаго театра и занять видное мѣсто на сценѣ жизни.

VII.

Иконостасъ работы Волкова.

Домъ Волкова въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главной городской площади—Ильинской, на которую вы-

ходитъ Пробойная улица. Направо, при выходѣ на площадь, стоитъ зданіе присутственныхъ мѣстъ, прямо — древнѣйшая изъ ярославскихъ церквей — Ильинская, а налѣво — Ильинская улица, ведущая къ Волгѣ. Всю правую сторону этой улицы занимаетъ садъ губернаторскаго дома, лѣвую же, до пересѣченія улицы другою, Никольскою,—бывшее усадебное мѣсто при домѣ Волкова. На углу, образуемомъ двумя улицами, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Волги, находится Николо-Надѣинская церковь*),— та самая, въ которой сохранился единственный слѣдъ жизни Волкова, уцѣлѣвшій въ вещественной формѣ, — царскія врата его работы; о нихъ говорятъ почти всѣ біографы основателя русскаго театра, начиная съ Новикова.

Но всѣ указанія на работу Волкова въ Николо-Надѣинской церкви основаны на преданіи: въ церковныхъ книгахъ не осталось объ этомъ записей, такъ же, какъ и о другихъ вкладахъ Волкова въ свой приходскій храмъ. Разсказы ярославскихъ старожиловъ о работѣ Волкова, какъ говорятъ, зиждутся также на преданіи, и теперь нельзя провѣрить, заимствованы ли они изъ печатныхъ источниковъ или существовала объ этомъ совершенно самостоятельная мѣстная версія.

Церковь Николы Надѣина—одна изъ древнѣйшихъ въ Ярославлѣ (XII — XIII вѣка) и является первымъ тамъ храмомъ каменной стройки [29]). Названіе Надѣин-

---

*) Въ статьѣ Л. Н. Трефолева, указанной выше, вѣроятно, по описки, церковь, въ которой сохранилась работа Волкова, названа Николо-Мокринской. Такая церковь есть въ Ярославлѣ, но она находится совершенно въ другой мѣстности города (вблизи пересѣченія Рождественской и Любимской улицъ).

ской церковь получила отъ прозвища Надѣй или Надѣинъ, которымъ именовался ея строитель [30]). Прямо съ угла, отъ часовни, дорожка ведетъ къ паперти главнаго, Никольскаго, храма, на которую надо подняться по ступенькамъ лѣстницы. Внѣшній видъ храма свидѣтельствуетъ о его древности; онъ прямо-

Николо-Надѣинская церковь, въ Ярославлѣ
Съ фотографіи И. В. Борщевскаго.

угольный въ основаніи, одноглавый, съ осмигранной, пирамидальной формы, колокольней, подъ которой устроены подвалы съ желѣзными затворами *). Вну-

*) Палатки подъ церковью устраивались для товарныхъ складовъ во времена прежней торговли Ярославля. Николо-Надѣинская церковь, какъ расположенная почти на самомъ берегу Волги, представляла удобства въ этомъ отношеніи.

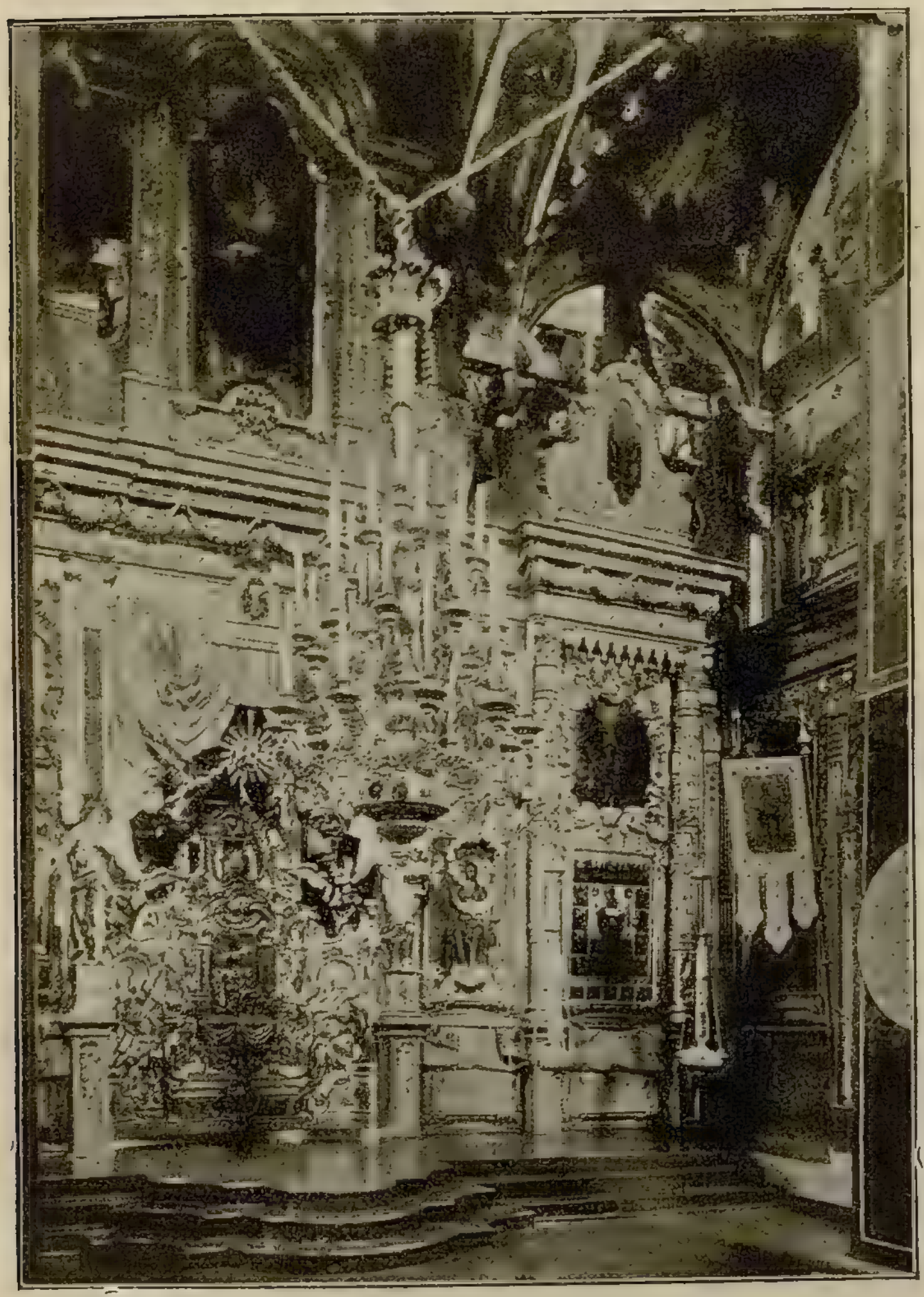
3*

треннее устройство храма еще болѣе подтверждаетъ впечатлѣніе о его древности. Съ паперти въ церковь ведутъ двери, съ колонками и выступами; арки надъ входомъ расписаны цвѣтными узорами. Полъ храма, по преданію, былъ прежде мраморный или яшмовый. Стѣны внутри всѣ расписаны альфреско. Своды, въ которыхъ сдѣланы, по старинному, голосники, и куполъ поддерживаются четырьмя столбами. Узкія окна—съ откосами внизъ, для свѣта. Никольскій храмъ—холодный, а теплая церковь находится рядомъ, она—позднѣйшей постройки.

Къ достопримѣчательностямъ древняго храма принадлежатъ: ризы и воздухи, пожертвованные царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, колокола, литые въ Голландіи, въ первой половинѣ XVII вѣка, и иконостасъ,—драгоцѣнное воспоминаніе о Волковѣ [31]).

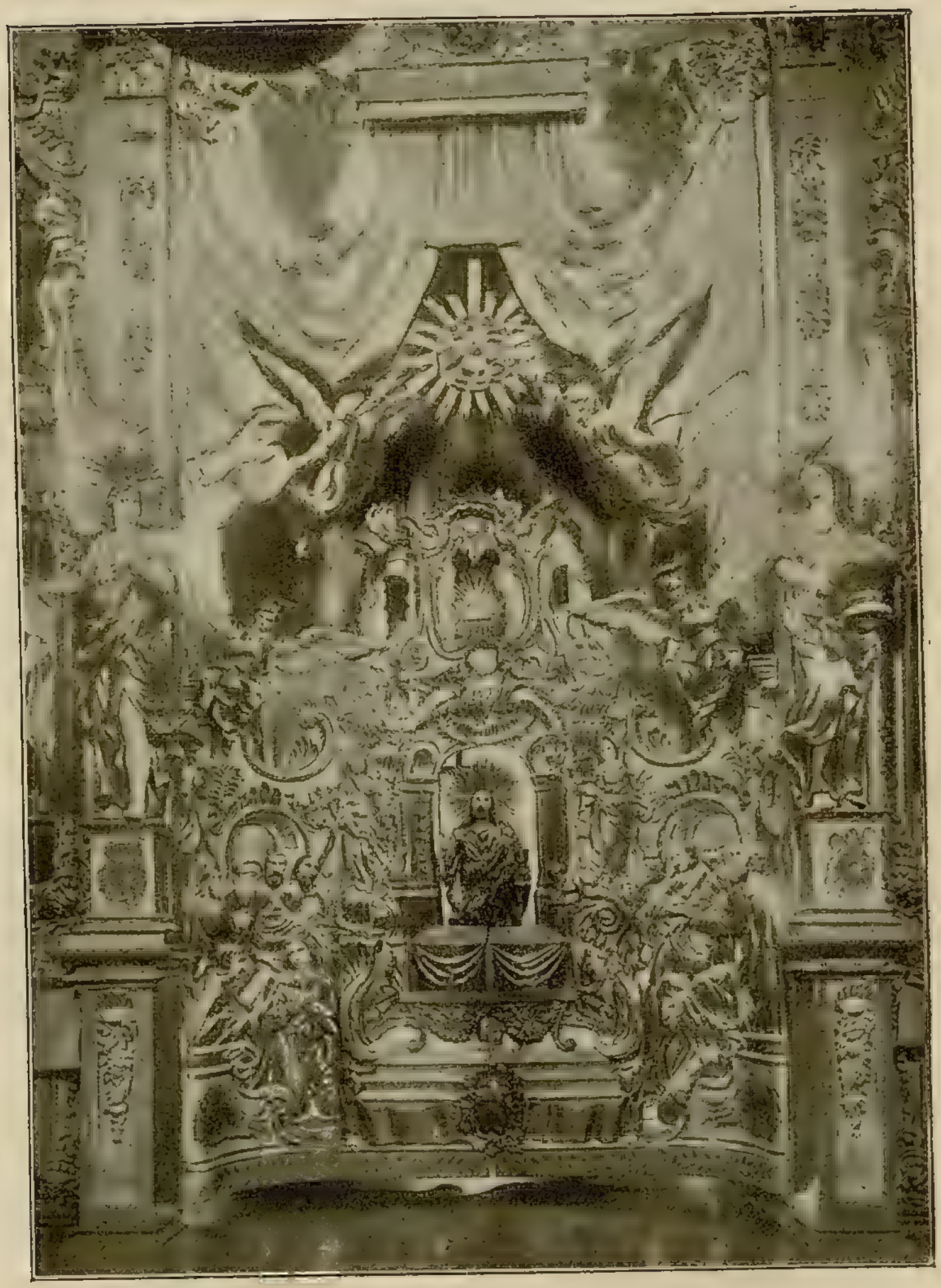
Иконостасъ трехъ-ярусный, весь рѣзной и золоченый (позолота сдѣлана особымъ способомъ и до сихъ поръ не потеряла своей свѣжести и блеска); онъ является изящнѣйшимъ произведеніемъ стариннаго русскаго искусства. Рисунокъ этого иконостаса приписывается Волкову, а рѣзныя царскія врата, изображающія Тайную Вечерю, по преданію, принадлежатъ всецѣло собственной работѣ основателя русскаго театра *). И въ Ярославлѣ, и въ другихъ мѣстахъ,—на-

*) Въ первый разъ изображеніе иконостаса и царскихъ вратъ въ рисункахъ для печати было воспроизведено для статьи автора настоящаго очерка, напечатанной въ „Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ“ 1895—1896 г. До тѣхъ поръ въ коллекціяхъ снимковъ съ церковно-археологическихъ древностей Россіи извѣстнаго фотографа П. В. Борщевскаго не было изображенія иконостаса и царскихъ вратъ Николо-Надѣинской церкви.



Иконостасъ Николо-Надѣинской церкви, въ Ярославлѣ, исполненный по рисунку Ѳ. Г. Волкова.

Съ фотографіи П. В. Борщевскаго.



Царскія врата Николо-Надѣинской церкви въ Ярославлѣ
(работы Ѳ. Г. Волкова).

Съ фотографіи И. В. Борщевскаго.

примѣръ, въ Ростовскомъ музеѣ церковныхъ древностей, — случается видѣть подобныя рѣзныя царскія врата, но между ними работа Волкова отличается особенною художественностью: въ ней изящество и тонкость отдѣлки соединены съ типическимъ разнообразіемъ и жизненностью фигуръ.

VIII.

Театръ въ Россіи до Волкова.

Николо-Надѣинская церковь — на берегу Волги. Выйдя на набережную, полюбуйтесь красотами нашей рѣки—„матушки“, а я, прежде, чѣмъ вести васъ дальше по „Волковскому Ярославлю“, разскажу вамъ о внѣ-ярославскомъ періодѣ жизни и дѣятельности Волкова.

Нѣсколько словъ о первоначальномъ періодѣ театра въ Россіи будутъ здѣсь вполнѣ кстати.

Зачаточное состояніе современнаго намъ театра представляютъ драмы, возникшія въ Западной Европѣ изъ религіозныхъ обрядовъ, — это, такъ называемыя, мистеріи.

Театральныя зрѣлища въ Россіи создались подъ западно-европейскимъ вліяніемъ, отражавшимся первоначально черезъ Польшу на Юго-западной Россіи. Но русскій театръ не пережилъ періода религіозныхъ мистерій или, по крайней мѣрѣ, пережилъ этотъ періодъ въ самой слабой степени. Началомъ нашего театра, его преобладающею формой, была школьная ду-

ховная драма, привившаяся первоначально въ Кіевской Академіи.

Событія рожденія Спасителя были одною изъ главныхъ темъ школьной драмы. Уклоняясь съ теченіемъ времени отъ своего чисто-религіознаго типа, школьная драма, такъ же какъ и мистерія, вводила въ дѣйствіе свѣтскій элементъ, развившійся, наконецъ, въ цѣлыя вставныя комедіи.

Въ самой тѣсной связи съ школьной драмой стоитъ вертепная драма, или просто вертепъ, т. е., кукольная комедія, изображавшая въ духовной своей части событія Рождества Христова, а въ свѣтской—типы и явленія народной жизни.

Но эта форма народнаго театра, такъ же, какъ и народные обряды, игры, праздники и т. п., стоитъ совершенно особнякомъ отъ тѣхъ театральныхъ зрѣлищъ, которыя начали прививаться въ Россіи, при Дворѣ и въ средѣ высшаго сословія, въ XVII столѣтіи. Для этихъ зрѣлищъ были прямо взяты готовыя формы западно-европейскаго театра и пересажены на русскую почву безъ всякаго примѣненія ихъ къ русскимъ національнымъ чертамъ, къ русскому духу и быту.

Начало иноземнаго театра въ Россіи относится къ 70-мъ годамъ XVII вѣка, къ концу царствованія царя Алексѣя Михаиловича. О театральныхъ зрѣлищахъ въ Европѣ въ то время было уже извѣстно у насъ по разсказамъ пріѣзжихъ иностранцевъ и нашихъ пословъ, бывавшихъ за границей. Желаніе видѣть и у себя дома нѣмецкій театръ заставило царя послать въ 1672 г. полковника Стадена въ Курляндію, чтобы

привезти оттуда комедіантовъ. Поѣздка эта кончилась ничѣмъ. Тогда царь приказалъ пастору нѣмецкой церкви и учителю школы въ Нѣмецкой слободѣ Іоганну Грегори устроить въ селѣ Преображенскомъ „комедіальныя хоромины“ и представить „комедіальныя дѣйства и потѣхи“. Хоромина скоро была готова и комедія, подъ заглавіемъ „Артаксерксово дѣйство“ была составлена.

Желаніе царя было исполнено, и 17 октября 1672 г. состоялся первый спектакль, на который были приглашены всѣ придворные чины. И первое, и слѣдующія представленія приводили въ восхищеніе царя, семью царскую и всѣхъ остальныхъ зрителей. Театръ сдѣлался любимымъ развлеченіемъ царя.

Кромѣ „комедіальной хоромины“ въ Преображенскомъ, были устроены „комедіальныя палаты“ въ Кремлѣ, и представленія давались то тутъ, то тамъ. Содержаніе пьесъ, составленныхъ Грегори, было заимствовано изъ библейскихъ разсказовъ. Кромѣ комедій, которыя раздѣлялись на „прохладныя“ (веселыя) и „жалостныя“ (печальныя), зрѣлища состояли изъ танцевъ, пѣнія, музыки, разныхъ фокусовъ и „потѣхъ“. Такимъ образомъ, недалеко было до вполнѣ организованнаго театра, но смерть Грегори, а затѣмъ и смерть самого Алексѣя Михайловича прекратили на время развитіе театральныхъ зрѣлищъ (въ 1676 г.).

Слѣдующая страница исторіи театра въ Россіи начинается при Петрѣ Великомъ. Въ своихъ путешествіяхъ Петръ хорошо ознакомился съ иностранными театрами. Онъ не могъ не обратить вниманіе на то, какое огромное значеніе можетъ имѣть театръ въ

ряду задуманныхъ имъ преобразованій. По обыкновенію, онъ быстро и рѣшительно началъ приводить въ исполненіе свое намѣреніе устроить театръ. Въ 1702 г. была выписана изъ Данцига нѣмецкая труппа актеровъ подъ управленіемъ Іоганна Кунста. Петръ, очевидно, признавалъ большое значеніе театра и хотѣлъ придать ему характеръ публичнаго общедоступнаго зрѣлища. Для постройки театра было выбрано „знатное“ мѣсто, въ самомъ центрѣ Москвы, на Красной площади. Внутреннее устройство „комедійной храмины“ и постановка пьесъ были по тому времени богатыми. Въ театръ допускались всѣ за опредѣленную плату отъ 3 до 10 коп. Репертуаръ спектаклей, которые давались по два раза въ недѣлю, состоялъ изъ нѣмецкихъ драмъ духовнаго и аллегорическаго содержанія или написанныхъ по поводу какого-нибудь торжественнаго событія, изъ пасторалей идиллическаго содержанія и изъ пьесъ Мольера. Въ науку къ Кунсту было отдано нѣсколько мальчиковъ, которые впослѣдствіи разыгрывали тѣ же пьесы въ переводѣ на русскій языкъ. Самъ Кунстъ именовался въ официальныхъ бумагахъ „директоромъ его величества комедіантовъ“. Не долго пришлось Кунсту управлять труппой: онъ умеръ, и его мѣсто занялъ въ 1704 году Отто Фирстъ, продолжавшій дѣло при тѣхъ же условіяхъ до 1707 г., когда театръ пересталъ существовать.

Снова наступилъ періодъ придворныхъ спектаклей, на этотъ разъ уже любительскихъ. Вся театральная обстановка „комедійной храмины“ была перевезена съ Красной площади во дворецъ села Преображенскаго,

гдѣ сохранялась до конца Петрова царствованія. Спектакли устраивались царевною Натальей Алексѣевной, которая была большая любительница театра и, кромѣ пьесъ, игранныхъ труппами Кунста и Фирста, ставила на придворной сценѣ свои драматическія произведенія.

Въ это же время, какъ отголосокъ общедоступнаго театра Кунста, начались театральныя представленія и въ московскихъ училищахъ, гдѣ разыгрывались духовныя драмы, а любители изъ школьниковъ и подъячихъ устроивали представленія въ какомъ-нибудь подходящемъ зданіи и вводили въ свой репертуаръ веселыя арлекинады и комическія интермедіи.

Постоянные придворные спектакли возобновились при Аннѣ Іоанновнѣ, имѣя характеръ исключительно забавы императорскаго двора.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ одно и то же время не зародился въ Ярославлѣ русскій публичный театръ, а въ Петербургѣ русскій придворный театръ. И тотъ, и другой обязаны были своимъ началомъ „охотникамъ“ — въ Ярославлѣ изъ среды посадской молодежи, а въ Петербургѣ — изъ среды кадетовъ Сухопутнаго корпуса.

Сухопутный кадетскій корпусъ, основанный въ 1732 г., былъ единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, которое давало, до половины прошлаго вѣка, довольно солидное общее образованіе. Въ учебномъ курсѣ корпуса словесность занимала первое мѣсто. Кадеты охотно отдавали свободное время упражненіямъ въ чтеніи и сочиненіи произведеній изящной литературы и устроили даже кружокъ любителей словесности.

Иногда у нихъ происходили товарищескія собранія, на которыхъ они читали опыты своихъ сочиненій и переводовъ. Отъ этихъ чтеній вполнѣ естественно перешли и къ устройству спектаклей, тѣмъ больше, что кадетамъ еще при Аннѣ Іоанновнѣ приходилось участвовать въ балетахъ и интермедіяхъ итальянской придворной труппы. Любовь къ театральнымъ представленіямъ привилась въ корпусѣ настолько, что въ 1750 году кадеты могли уже разыграть на своей сценѣ первую трагедію Сумарокова. Александръ Петровичъ Сумароковъ, бывшій воспитанникъ того же корпуса, только что выступалъ тогда на поприщѣ драматургіи. Послѣ опытовъ въ разныхъ родахъ поэзіи, онъ полюбилъ, по его словамъ, лучшую изъ музъ—музу трагедіи. Первая его трагедія „Хоревъ“ появилась въ печати въ 1747 г., а за нею послѣдовали и остальныя, создавшія ихъ автору въ мнѣніи современниковъ славу первокласнаго писателя.

Сумароковъ писалъ свою первую трагедію, не имѣя въ виду сцены, гдѣ бы ее можно было разыграть, и для него первый спектакль кадетовъ былъ пріятною неожиданностью. Онъ услыхалъ не простое декламированіе стиховъ изъ своей трагедіи, но стройное сценическое исполненіе хорошо разученной пьесы. Внѣ себя отъ радости, онъ поспѣшилъ донести объ этомъ своему начальнику по службѣ, графу Разумовскому, а тотъ извѣстилъ объ этой новости императрицу. Результатомъ этого было то, что 8 февраля 1750 г. кадеты, по желанію императрицы, разыграли трагедію во дворцѣ въ присутствіи всего двора и подъ руководствомъ самого автора. Главныя роли исполняли

воспитанники Мелиссино, Бекетовъ, Свистуновъ и Остервальдъ, навсегда оставшіеся памятными въ исторіи русскаго театра, также какъ и вообще спектакли Сухопутнаго корпуса.

И игра кадетовъ, и самая пьеса произвели на императрицу и на ея приближенныхъ такое хорошее впечатлѣніе, что въ томъ же году было разыграно кадетами во дворцѣ еще нѣсколько трагедій Сумарова. Слава ихъ автора росла, а потребность въ русскомъ театрѣ, возбужденная этими спектаклями, обозначалась все яснѣе и яснѣе. Но кадетскіе спектакли, являясь лишь разумнымъ развлеченіемъ для кадетовъ въ свободное время, носили слишкомъ случайный характеръ. Наставало время рѣшить вопросъ о постоянномъ театрѣ и о настоящихъ актерахъ. Положительное рѣшеніе этого вопроса было желаніемъ самой императрицы и тѣхъ ея совѣтниковъ, которымъ русское просвѣщеніе было много обязано и Московскимъ университетомъ.

Мысль объ организаціи русскаго театра, какъ мы уже знаемъ, осуществилась однако совсѣмъ не такъ, какъ можно было ожидать по обыкновенному ходу вещей. Публичный русскій театръ создала частная иниціатива и не въ столицѣ, а въ небольшомъ провинціальномъ городѣ, въ Ярославлѣ, куда казалось не скоро можетъ дойти и мысль о такомъ общественномъ учрежденіи, какъ театръ. Но это необычайное явленіе и не входило, какъ звено, въ цѣпь явленій общественной жизни, оно не имѣло въ ней ни почвы, ни дѣятелей. Провинціальный русскій театръ, возникшій совершенно самостоятельно раньше столич-

наго, былъ созданіемъ одного лица, молодого купца Волкова.

Завѣтная мечта Волкова перешла въ дѣло. Театръ, созданный его усиліями, существовалъ въ его родномъ городѣ и онъ самъ игралъ на сценѣ этого театра. Любя искусство, Волковъ поборолъ всѣ препятствія, но что ожидало его театръ? Условія тогдашней жизни и низкій уровень общественнаго развитія не обѣщали долговѣчности театру, который поддерживался лишь частными силами и средствами. Думалъ ли Волковъ всю свою жизнь провести въ Ярославлѣ, или его всесторонне развитая натура, требовавшая простора для своего проявленія, заставляла его мечтать о Петербургѣ,— неизвѣстно, но случай, такъ часто измѣняющій обстоятельства, вмѣшался и въ жизнь Волкова. Благодаря этому случаю, русскій театръ былъ перенесенъ изъ провинціальнаго города въ столицу подъ покровительство самоій императрицы и просвѣщеннѣйшихъ людей того времени.

Года черезъ два послѣ открытія театра, въ Ярославль была отправлена изъ Петербурга комиссія для изслѣдованія злоупотребленій по винным откупамъ. Пріѣзжіе между дѣломъ отправились посмотрѣть на ярославскую новинку, подобноій которой въ провинціи еще не было видано и о которой слухи могли уже дойти до Петербурга. Между ними оказался нѣкто сенатскій экзекуторъ Игнатьевъ, которому очень понравился театръ Волкова. Часто посѣщая театръ, онъ навѣрное познакомился съ Волковымъ. Вѣроятно также и то, что Волковъ, встрѣтивъ въ Игнатьевѣ сочувствіе къ своему только что зародившемуся дѣтищу, могъ

высказать ему свои планы, надежды и мечты. А въ числѣ его сокровенныхъ желаній могло быть и желаніе перенести свой театръ въ Петербургъ. Онъ могъ даже просить Игнатьева, чтобы тотъ разсказалъ вліятельнымъ лицамъ въ Петербургѣ о ярославскомъ театрѣ.

Какъ бы тамъ ни было, но экзекуторъ Игнатьевъ играетъ видную роль въ перенесеніи театра въ столицу, а злоупотребленія по откупамъ, какъ это ни странно, ведутъ къ основанію русскаго публичнаго театра въ Петербургѣ.

Есть еще также предположеніе, что слухи о ярославскомъ театрѣ достигнули императрицы, и она послала чиновника въ Ярославль удостовѣриться въ слухахъ, и что комиссія по откупамъ была въ этомъ дѣлѣ не при чемъ. Это объясненіе нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Возвратясь въ Петербургъ, Игнатьевъ, или кто другой, сообщилъ генералъ-прокурору князю Трубецкому всѣ подробности объ ярославскихъ лицедѣяхъ, а тотъ доложилъ объ этомъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Императрица повелѣла отправить за ярославскими актерами особаго посланнаго. Это было въ началѣ 1725 г. Конечно, царскій посланный долженъ былъ произвести большое волненіе между ярославскими жителями. То, что они считали забавою или даже бѣсовскимъ навожденіемъ, обращалось высочайшею волею въ дѣло серьезное. Недоброжелатели и завистники Волкова должны были умолкнуть. Что чувствовалъ самъ Волковъ — это понятно каждому. Его дѣлу, на которое онъ потратилъ много энергіи и которое поглотило все его существо, предстояла блестящая будущность...

Снабженные теплою одеждою, молодые ярославцы, въ числѣ 14 человѣкъ, отправились на почтовыхъ вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ за ними посланнымъ. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, они были отправлены въ Царское Село, гдѣ въ то время была резиденція Елизаветы Петровны. Императрица ласково приняла ярославцевъ и приказала, какъ говорятъ, на другой же день представить на ея домашнемъ театрѣ трагедію Сумарокова „Хоревъ“. Разсказываютъ, что императрица сама наблюдала за приготовленіями къ спектаклю, сама присутствовала при кройкѣ и шитьѣ костюмовъ. Извѣстно преданіе, что знаменитый впослѣдствіи товарищъ Волкова Дмитревскій, игравшій женскую роль Оснельды, былъ во время приготовленія къ первому спектаклю переименованъ изъ Нарыкова въ Дмитревскаго. Императрица, убирая его голову брилліантами, замѣтила въ немъ сходство съ членомъ польскаго посольства Дмитревскимъ и приказала ему принять эту фамилію. Нѣсколько первыхъ спектаклей, состоявшихъ изъ трагедій Сумарокова, были разыграны очень удачно труппою Волкова. Онъ былъ милостиво обласканъ вниманіемъ императрицы, а Сумарокову былъ пожалованъ ею перстень съ своей руки.

Эти спектакли рѣшили судьбу русскаго театра и его основателя. Волковъ съ труппою былъ оставленъ при дворѣ и впослѣдствіи вмѣстѣ съ другими ярославцами отданъ по повелѣнію государыни въ первую роту кадетскаго корпуса. Тамъ они должны были обучаться наукамъ, иностраннымъ языкамъ, гимнастикѣ и декламаціи.

Такимъ образомъ зарождавшійся театръ встрѣтилъ

въ тогдашнихъ правительственныхъ сферахъ серьезное вниманіе и покровительство. Въ молодыхъ ярославцахъ, посвятившихъ себя сценической профессіи хотѣли видѣть не только талантливыхъ, но и образованныхъ людей. Очень способные и даровитые ярославцы, не исключая и Волкова, не получили систематическаго образованія, и ученье въ корпусѣ должно было пополнить этотъ пробѣлъ.

Ярославцы содержались въ корпусѣ на казенный счетъ и получали по 50 руб. въ годъ жалованья, а Волкову было назначено 100 руб. Жили они въ корпусѣ, научнымъ предметамъ учились вмѣстѣ съ кадетами и отличались отъ нихъ лишь особой формой платья. Кромѣ общаго кадетскаго обученія, Волкову и его товарищамъ преподавались сценическіе пріемы и декламація. Преподавателями были офицеры: Мелиссино, Остервальдъ и Свистуновъ; занимался съ ними также и Сумароковъ. Практическими упражненіями были для молодыхъ актеровъ придворные спектакли, на которыхъ они выступали вмѣстѣ съ кадетами.

Всѣ эти неожиданныя событія: пріѣздъ въ Петербургъ, выступленіе на придворной сценѣ, ученье въ кадетскомъ корпусѣ — всецѣло соотвѣтствовали мечтамъ Волкова о сценѣ и давали полное удовлетвореніе его стремленію къ образованію. Но онъ не довольствовался тѣми знаніями, которыя давало ему кадетское образованіе, и продолжалъ работать самостоятельно и, пополняя существенные недостатки своего образованія, вмѣстѣ съ тѣмъ занимался музыкой и рисованіемъ.

Изъ времени пребыванія Волкова въ кадетскомъ корпусѣ сохранился одинъ любопытный документъ,

ярко характеризующій ту жажду знаній, которая всегда его отличала. Документъ этотъ—„покорнѣйшее доношеніе“ Ѳедора и Григорія Волковыхъ въ канцелярію корпуса, поданное ими въ сентябрѣ 1756 г. Въ этомъ доношеніи Ѳедоръ Волковъ объясняетъ, что онъ не задолго передъ тѣмъ выписалъ изъ-за границы нѣсколько нужныхъ ему театральныхъ и „проспективическихъ“ книгъ и, не имѣя въ то время наличныхъ денегъ для уплаты за книги, заложилъ „епанчу лисью“ и „плащъ суконный красный“. А такъ какъ вещи эти „для наступающаго зимняго времени“ нужно выкупить, то онъ и проситъ выдать ему и брату все причитающееся за этотъ годъ жалованье.

Въ кадетскомъ корпусѣ Волковъ значительно пополнилъ свое систематическое образованіе, первоначальную основу котораго дала ему Заиконоспасская академія. Придворные спектакли пріучали его къ сценическому труду, развивая въ то же время въ немъ природное дарованіе. Теперь Волковъ могъ уже считать свою подготовку законченною и явиться самостоятельнымъ дѣятелемъ на избранномъ имъ поприщѣ служенія искусству.

IX.

Волковъ — придворный актеръ.

30-е августа 1756 г.—особенно знаменательный день въ исторіи русскаго театра, который съ этого времени получаетъ значеніе государственнаго учрежденія. Въ этотъ день Императрицею былъ данъ именной указъ

Правительствующему Сенату объ учрежденіи „русскаго для представленія трагедій и комедій театра“. Указомъ этимъ повелѣвалось отдать для театра зданіе Головкинскаго дворца (нынѣ Академія Художествъ), актеровъ набрать изъ обучающихся въ кадетскомъ корпусѣ пѣвчихъ и ярославцевъ, къ нимъ прибавить актеровъ изъ другихъ неслужащихъ людей и актрисъ „приличное число“. На содержаніе придворной труппы приказано было отпускать по пяти тысячъ рублей въ годъ. Главное руководство труппой было поручено Сумарокову, а Волковъ получилъ званіе „перваго придворнаго актера“.

Было ли это званіе для Волкова лишь почетнымъ или съ нимъ соединялись какія-либо обязанности — неизвѣстно. Но можно безошибочно предполагать, что и въ оффиціально признанной труппѣ онъ явился тѣмъ же неутомимымъ дѣятелемъ, тѣмъ же основательно знающимъ театральное искусство работникомъ. Будучи главною сценическою силой, какъ актеръ, Волковъ долженъ былъ также принимать главное и непосредственное участіе въ администраціи труппы и режиссированіи спектаклей. Представленія носили по прежнему характеръ придворныхъ увеселеній, но репертуаръ обогащался новыми пьесами, хотя, впрочемъ, общее его направленіе оставалось то же. Къ оригинальнымъ пьесамъ Сумарокова и переводамъ — Корнеля, Расина, Вольтера и Мольера прибавились оригинальныя и, главнымъ образомъ, переводныя самого Волкова, Дмитревскаго и другихъ. Переводы драматическихъ произведеній для сцены были существенно необходимы неокрѣпшему театру, бѣдному своею сцени-

6*

ческою литературой, и Волковъ долженъ былъ работать и на этомъ поприщѣ.

Біографическія данныя о петербургскомъ періодѣ жизни Волкова очень скудны. Нѣсколько отрывочныхъ фактовъ не даютъ полной картины жизни Волкова въ это время. Извѣстно, что организаторъ перваго русскаго театра былъ отправленъ въ 1759 году въ Москву, чтобы придать существовавшему тамъ театру болѣе правильное устройство. Въ чемъ заключались труды Волкова по устройству московскато театра, мы не знаемъ, но пробылъ въ Москвѣ онъ очень недолго и снова вернулся къ своей петербургской дѣятельности.

По поводу дѣятельности Волкова въ Москвѣ очень цѣнны соображенія историка Забѣлина. Волковъ съ братомъ своимъ Григоріемъ въ спискахъ кадетскаго корпуса значатся принятыми съ 1754 года и называются „московскими комедіантами“.

Не значитъ ли это,—спрашиваетъ историкъ,—что послѣ игры въ Петербургѣ, въ 1752 г., Волковъ игралъ до 1754 г. въ Москвѣ. Въ это время тамъ существовалъ нѣмецкій „комедіальный домъ“, у Красныхъ воротъ, и въ немъ могли по праздникамъ происходить русскія представленія, въ которыхъ близкое, а можетъ быть, и главное участіе принимали Волковы. Такъ же могли они играть и на сценахъ Головинскаго придворнаго театра, и въ Оперномъ домѣ. Къ тому же Императрица жила въ Москвѣ съ декабря 1752 г. до половины мая 1754 г. Въ этомъ году съ наступленіемъ Великаго поста, Волковы и могли быть отправлены „къ наукѣ“.

Екатерина II, воцарившись, предложила, по словамъ А. М. Тургенева, Волкову быть кабинетъ-министромъ ея и возлагала на него орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Волковъ отъ всего отказался и просилъ государыню обезпечить его жизнь въ томъ, чтобы ему не нужно было заботиться объ обѣдѣ, одеждѣ, о наймѣ квартиры, когда нужно, чтобы ему давали экипажъ. Государыня повелѣла нанять Волкову домъ, снабжать его бѣльемъ и платьемъ, какъ онъ прикажетъ, отпускать ему кушанье, вина и „всѣ прочія къ тому принадлежности“ отъ Двора, съ ея кухни, и точно все такое, что подаютъ на столъ ея величеству, экипажъ, какой ему заблагоразсудится потребовать. Онъ всегда имѣлъ доступъ въ ея кабинетъ безъ доклада [32]).

Съ воцареніемъ Екатерины II роковымъ образомъ связана судьба перваго организатора русской сцены. Коронаціонныя торжества, устроенныя въ Москвѣ, послужили невольною причиною его смерти. Въ полномъ расцвѣтѣ физическихъ и духовныхъ силъ умеръ основатель русскаго театра, не доживъ до той поры, когда театръ пріобрѣлъ себѣ высокую покровительницу въ лицѣ просвѣщенной Императрицы.

На коронаціонныя празднества, въ 1763 году, была отправлена въ Москву придворная труппа съ Волковымъ во главѣ. Кромѣ обычныхъ придворныхъ спектаклей, для народа было устроено необыкновенное зрѣлище—грандіозный маскарадъ. Императрица придавала театральнымъ представленіямъ огромное значеніе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. „Театръ, говорила она, — школа народная, она должна быть непремѣнно подъ моимъ надзоромъ, я старшій учитель

въ этой школѣ, и за нравы народа мой первый отвѣтъ Богу".

Подтвержденіемъ этихъ мыслей Екатерины II о воспитательномъ значеніи театральныхъ зрѣлищъ является и маскарадъ, устроенный по ея желанію.

Разработку и приведеніе своего желанія въ исполненіе Императрица поручила Волкову, много потрудившемуся надъ устройствомъ поучительнаго зрѣлища, выказавшему и здѣсь свою энергію и всестороннее развитіе. Планъ маскарада, составленный Волковымъ, объяснительные стихи къ нему Хераскова и хоральныя пѣсни Сумарокова были отпечатаны въ 1763 г. отдѣльной книжкой, которая служитъ почти единственнымъ литературнымъ свидѣтельствомъ творческихъ дарованій Волкова [33]).

Много замѣчательныхъ мыслей, много пониманія общественныхъ и народныхъ золъ, много живого остроумія разсыпано было въ программѣ маскарада, двигавшагося по улицамъ Москвы. Маскарадъ имѣлъ сатирическое и нравоучительное значеніе; развлекая толпу, онъ въ то же время и поучалъ ее. Цѣль маскарада, по словамъ Хераскова, заключалась въ томъ:

Чтобъ мерзость показавъ пороковъ, честность славить,
Сердца отъ нихъ отвлечь, испорченныхъ поправить.
И осмѣяніе всеобщаго вреда—
Достойнымъ для забавъ, а злобнымъ для стыда.

Въ различныхъ наглядныхъ образахъ, аллегоріяхъ и фигурахъ передъ глазами народа проходили посрамленные и осмѣянные пороки и дурныя страсти: пьянство, невѣжество, обманъ, лихоимство, ябедни-

чество, спѣсь, мотовство и т. п. Такое зрѣлище должно было производить сильное впечатлѣніе на массу, дѣйствуя непосредственно, въ живыхъ картинахъ и, привлекая вниманіе толпы своимъ остроуміемъ и разнообразіемъ. Независимо отъ этого, маскарадъ долженъ былъ, занимая простонародье диковиннымъ шествіемъ, уменьшить неизбѣжное при народныхъ праздествахъ пьянство. Во время приготовленій къ маскараду все населеніе Москвы только и было занято разговорами о немъ, всѣ нетерпѣливо ждали невиданнаго зрѣлища. Когда все было готово, т. е., приспособлены машины, изготовлены костюмы и аксессуары, собрано до 4,000 участвующихъ, тогда появилась афиша, извѣщавшая, что 30 января, 1 и 2 февраля будетъ двигаться по улицамъ большой маскарадъ, названный *Торжествующая Минерва*, въ которомъ „изъявится гнусность пороковъ и слава добродѣтели".

По словамъ очевидцевъ, маскарадная процессія была „превеликая и длинная". По улицамъ двигалось двѣсти раззолоченныхъ и разукрашенныхъ колесницъ и повозокъ, на колесахъ и полозьяхъ. На нихъ находились костюмированные участники маскарада, пѣвшіе соотвѣтствующія пѣсни, а передъ колесницами шли цѣлые хоры, пѣвшіе другія, болѣе веселыя пѣсни. „И все сіе, говоритъ современникъ, распоряжено было такъ хорошо, украшено такъ великолѣпно и богато, всѣ пѣсни и стихотворенія пѣты были такими пріятными голосами, что неинако, какъ съ крайнимъ удовольствіемъ, на все то смотрѣть было можно".

Шествіе открывалъ „провозвѣстникъ маскарада",

сопровождаемый свитой. За нимъ слѣдовалъ самый маскарадъ, раздѣленный на нѣсколько отдѣленій по числу пороковъ, которые онъ изображалъ. Передъ каждымъ отдѣленіемъ несли символическій знакъ его.

Труды Волкова, составившаго программу маскарада и распоряжавшагося ея выполненіемъ, не пропали даромъ. Стеченіе народа, желавшаго видѣть шествіе, было необыкновенное. Всѣ улицы, по которымъ двигалась процессія, были переполнены, зрители не только были въ окнахъ всѣхъ домовъ, но и промежутки между домами были заняты народомъ, стоявшимъ на подмосткахъ около домовъ и заборовъ. Любопытные забирались даже на кровли. Тысячи народа провожали процессію по улицамъ, огромныя толпы встрѣчали ее при возвращеніи у зимнихъ горъ. Гулъ радостныхъ народныхъ ликованій и восклицаній раздавался повсюду. Впечатлѣніе, произведенное маскарадомъ на массу, было сильное и долго не могло изгладиться изъ народнаго воображенія. Пѣсни и напѣвы маскарадныхъ хоровъ такъ всѣмъ полюбились, что народъ много лѣтъ спустя съ удовольствіемъ слушалъ эти пѣсни.

Маскарадъ, созданный по плану и подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Волкова, былъ послѣднею данью, которую принесъ неутомимый организаторъ русскаго театра искусству и его высокимъ нравственнымъ задачамъ. Горячо и всецѣло отдаваясь всякому дѣлу, связанному съ искусствомъ, Волковъ и на этотъ разъ остался вѣренъ своему характеру. Всѣ приготовленія къ маскараду и самое выполненіе его происходили подъ наблюденіемъ Волкова. Увлеченный жела-

ніемъ выполнить какъ можно добросовѣстнѣе программу маскарада, онъ самъ, разъѣзжая по улицамъ, слѣдилъ за точнымъ порядкомъ трехдневнаго шествія. При этомъ онъ не остерегся и схватилъ жестокую простуду. Болѣзнь сломила молодыя силы, и 4 апрѣля 1763 г. Волковъ умеръ 34-хъ лѣтъ отъ роду.

Похороны знаменитаго человѣка были торжественныя. Много знатныхъ лицъ и простого народа провожали перваго русскаго актера къ мѣсту его послѣдняго упокоенія, въ Андроньевомъ монастырѣ. Эти торжественные проводы безвременно захваченнаго смертью, это собраніе знати и простого народа были живымъ свидѣтельствомъ того, что дѣятельность перваго русскаго актера заслужила общественную признательность. Но это было единственнымъ выраженіемъ народной памяти къ заслугамъ почившаго дѣятеля. Съ теченіемъ времени, ни ближайшее, ни отдаленное потомство до самаго послѣдняго времени не вспоминало Волкова сколько-нибудь значительнымъ общественнымъ знакомъ уваженія къ его заслугамъ.

Давно уже, еще со временъ нашествія французовъ, въ 1812 г., когда Андроньевъ монастырь подвергся опустошенію, исчезли всякіе слѣды могилы Волкова,—одного изъ замѣчательныхъ русскихъ людей.

X.

Ѳ. Г. Волковъ, какъ человѣкъ, артистъ и общественный дѣятель. — Значеніе его въ исторіи русскаго театра.

Тѣ немногіе факты, которые приведены выше о Волковѣ не даютъ возможности охарактеризовать его

въ той полнотѣ, какой заслуживаетъ этотъ замѣчательный человѣкъ. Поэтому характеристика Волкова должна ограничиваться лишь крупными чертами и общими выводами предположительнаго характера.

Бываютъ избранныя натуры, съ избыткомъ прекрасныхъ самобытныхъ силъ, дарованныхъ имъ Провидѣніемъ, открывающія новыя пути въ искусствѣ и наукѣ, развертывающія свою дѣятельность не вслѣдствіе подражанія чужому, уже существующему, а по внутреннему голосу, громко звучащему въ ихъ душѣ. Къ такимъ натурамъ принадлежалъ и Волковъ.

Преобладающими и яркими его чертами была жажда знаній и энергія, укрѣплявшія его природныя дарованія при помощи образованія, которымъ онъ былъ обязанъ почти исключительно самому себѣ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ Волковъ „пристрастно прилежалъ къ познанію наукъ и художествъ“. Это стремленіе къ обогащенію себя знаніями не оставляло его всю жизнь. И въ дѣтствѣ, и во время ученья въ Заиконоспасской академіи, и въ кадетскомъ корпусѣ, и во время сценической дѣятельности—вездѣ онъ жадно черпалъ изъ сокровищницы знаній, вездѣ упорно работалъ надъ своимъ развитіемъ, употребляя всѣ усилія и средства, чтобы сдѣлаться просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Путемъ самостоятельнаго труда онъ старался пополнить пробѣлы своего образованія. Много надо было положить работы надъ своимъ развитіемъ, чтобы изъ сына провинціальнаго купца вышелъ одинъ изъ передовыхъ людей того вѣка. Съ помощью своихъ необыкновенныхъ способностей онъ достигъ того, что,

напримѣръ, Новиковъ даетъ такую характеристику перваго русскаго актера. „Сей мужъ, говоритъ онъ, былъ великаго, обымчиваго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго разсужденія и рѣдкихъ дарованій, украшенныхъ многимъ ученіемъ и чтеніемъ наилучшихъ книгъ“. Державинъ называетъ его „знаменитымъ по уму своему“.

Энергія и сила воли видны въ Волковѣ при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ его біографіей. Страстно привязавшись къ театру и задумавъ устроить его въ Ярославлѣ, онъ, съ жаромъ юноши и съ силой воли зрѣлаго человѣка, взялся за дѣло и довелъ его до конца. Въ то время ему не было еще и 20-ти лѣтъ, торговыя дѣла отнимали у него много силъ и времени. Среда, къ которой по своему рожденію и занятіямъ принадлежалъ Волковъ, не могла отнестись къ его затѣѣ сочувственно. Затѣя эта должна была казаться большинству окружавшихъ его или пустою забавой, или бѣсовскимъ навожденіемъ. Но Волковъ преодолѣлъ все, — и нравственныя, и матеріальныя препятствія,—и вотъ, въ провинціальномъ городкѣ, купеческій сынъ открываетъ первый вольный театръ въ Россіи. Его занятія во время вторичнаго пребыванія въ Петербургѣ, упорядоченіе театра въ Москвѣ, участіе въ устройствѣ грандіознаго маскарада во время коронаціи Императрицы Екатерины II— все это требовало не только глубокаго ума и обширныхъ знаній, но и сильной воли и непреклонной энергіи; все это требовало живого, изобрѣтательнаго воображенія, находчивости, „остроты ума“. Фонвизинъ называетъ Волкова „мужемъ глубокаго разума, напол-

неннаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ".

Внѣшній обликъ Волкова отличался большою привлекательностью. Онъ былъ средняго роста. Лицо его, обрамленное темнорусыми вьющимися волосами, было правильное и пріятное и выражало умъ и энергію, свѣтившіеся въ его быстрыхъ карихъ глазахъ. Многіе находили въ немъ сходство съ Петромъ Великимъ. Съ перваго взгляда Волковъ казался нѣсколько угрюмъ и суровъ, что придавало ему какую-то важность. Но въ дружескомъ кругу онъ производилъ совершенно другое впечатлѣніе: на лицѣ его появлялась пріятная улыбка, обхожденіе съ друзьями было самое любезное, а живые и остроумные разговоры его оживляли бесѣду. Въ выборѣ своихъ друзей онъ былъ очень разборчивъ. За-то тѣ, которые могли считать себя его друзьями, принадлежали къ числу лучшихъ людей. Изъ подписи къ его портрету, гравированному извѣстнымъ Евграфомъ Чемесовымъ, видно, что Чемесовъ и два писателя того времени, Н. Н. Мотонисъ и Г. В. Козицкій (статсъ-секретарь Екатерины II), были его самыми лучшими друзьями. Съ своими близкими, какъ и вообще, онъ не былъ лицемѣренъ: безкорыстіе, отзывчивость въ минуты нужды и горя ближняго, великодушіе—составляли его отличительныя черты. Волковъ былъ далекъ отъ тѣхъ удовольствій, которыя отнимаютъ время и не даютъ никакой пищи для ума и сердца. „Житія онъ былъ трезваго, говоритъ Новиковъ, и добродѣтели строгой". Онъ остался холостымъ и даже не былъ, будто бы, никогда влюбленъ. Сцена поглощала всѣ его мысли и

чувства, въ неіі одноіі онъ видѣлъ удовлетвореніе своимъ стремленіямъ.

Искусство онъ любилъ свято и безкорыстно. Не говоря уже о томъ, что онъ, благодаря своеіі страсти къ театру, разстроилъ большое торгово-промышленное дѣло, главою котораго сталъ послѣ смерти своего отчима, Волковъ и впослѣдствіи отказался для сцены отъ высокаго государственнаго поста. Но желая остаться скромнымъ сценическимъ дѣятелемъ и уклоняясь отъ высокаго положенія кабинетъ-министра, Волковъ и въ мелочахъ не хотѣлъ пользоваться своимъ вліяніемъ и милостями Государыни. Несмотря на ея желаніе, чтобы Волковъ ни въ чемъ и никогда не нуждался, онъ скромно и умѣренно пользовался своимъ широкимъ правомъ въ доставленіи себѣ жизненныхъ удобствъ. Никогда, говоритъ А. М. Тургеневъ, не приказывалъ онъ подавать себѣ обѣдъ болѣе, какъ на трп человѣка: у него было два друга, съ которыми онъ почти каждый день обѣдалъ. Рѣдко онъ требовалъ себѣ экипажъ, деньги бралъ тоже очень рѣдко и не иначе, какъ изъ собственныхъ рукъ императрицы, и никогда не болѣе десяти имперіаловъ.

Честолюбіе было чуждо Волкову, даже по отношенію къ его литературнымъ произведеніямъ. Въ этомъ случаѣ онъ обладалъ рѣдкимъ авторскимъ самоотверженіемъ. По словамъ его товарища по сценѣ, И. А. Дмитревскаго, современники весьма уважали его литературные труды, но самъ авторъ былъ недоволенъ ими и охотно замѣнялъ свои переводы чужими. Существуетъ догадка, что Волковъ не страдалъ и сценическимъ честолюбіемъ. По крайнеіі мѣрѣ, на

одной афишѣ конца 1756 г. Волковъ называется просто актеромъ, тогда какъ И. А. Дмитревскому придано званіе „перваго придворнаго“ актера. Отсюда можно заключить, что Волковъ уступилъ почетное званіе своему товарищу вскорѣ послѣ того, какъ былъ пожалованъ въ это званіе.

Волковъ понималъ свою дѣятельность не какъ карьеру или поприще для удовлетворенія честолюбивыхъ стремленій и доставленія себѣ внѣшнихъ жизненныхъ удобствъ и отличій. Девизомъ его была безкорыстная любовь къ избранному дѣлу, на которое натолкнули его врожденныя способности. Разнообразные таланты, данные ему природой, онъ не зарылъ въ землю, но, напротивъ, упорнымъ трудомъ и постояннымъ стремленіемъ къ обогащенію себя знаніями довелъ свои дарованія до высшей степени развитія.

Искра Божья опредѣлила Волкову его житейскую дорогу—это была область искусствъ, гдѣ онъ былъ совершенно свой человѣкъ. Актеръ и драматургъ, поэтъ и музыкантъ, живописецъ и скульпторъ—Волковъ всецѣло отдался страсти къ театру, совмѣщающему въ себѣ различныя отрасли искусства. Произведенія Волкова по разнымъ родамъ искусства не дошли до насъ, о нихъ имѣются лишь только упоминанія. Его работѣ приписываютъ мраморный бюстъ Петра Великаго и картину, писанную масляными красками, на которой онъ изобразилъ себя и братьевъ въ сценѣ изъ какой-то трагедіи. Оба произведенія утрачены. Съ иконостасомъ и царскими вратами Николо-Надѣинской церкви мы уже познакомились выше.

Литературныя произведенія Волкова тоже не до-

шли до насъ, исключая нѣсколькихъ переводовъ пьесъ Мольера, хранящихся въ Парижской библіотекѣ, нѣкоторыхъ пѣсенъ и эпиграммы, приводимой всѣми его біографами [34]).

Вотъ эта эпиграмма:

Всадника хвалятъ: хорошъ молодецъ.
Хвалятъ другіе: хорошъ жеребецъ.
Полно, не спорьте: и конь, и дѣтина—
Оба красивы, да оба скотина.

„Ода Петру Великому“, о которой съ похвалой отзываются первые біографы Волкова, не сохранилась. Такимъ образомъ, единственнымъ уцѣлѣвшимъ свидѣтельствомъ дарованій основателя русскаго театра является для насъ программа маскарада „Торжествующая Минерва“.

Старинная хроника русскаго театра приписываетъ Волкову больше 15-ти различныхъ пьесъ для сцены, о которыхъ можно судить лишь по заглавіямъ и по названіямъ дѣйствующихъ лицъ. Оригинальныя пьесы Волкова—всѣ бытовыя. Въ комедіяхъ его: „Судъ Шемякинъ“, „Всякій Еремѣй про себя разумѣй“ и „Увеселеніе московскихъ жителей о масляницѣ“ — дѣйствующими лицами являются Шемяка, секретарь суда, купцы, офицеры, слуги, мѣщане, разночинцы. Бросается въ глаза та особенность этихъ комедій, что имена дѣйствующихъ лицъ не носятъ, по большей части, книжнаго, придуманнаго характера, какъ это было встарину, когда на сценѣ дѣйствовали Чистосерды, Прелесты, Миловзоры и т. п.

Изъ переводныхъ пьесъ хроника приводитъ названія: „Магометъ“ Вольтера, „Эсфирь“ Расина, „Ти-

тово милосердіе“ и нѣсколько другихъ пьесъ съ итальянскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ Въ своихъ бытовыхъ комедіяхъ Волковъ былъ, слѣдовательно, однимъ изъ первыхъ драматурговъ, вводившихъ на русскую сцену въ художественной формѣ явленія повседневной дѣйствительности, сближавшія сцену съ жизнью.

Сценическая дѣятельность Волкова не оставила никакихъ вещественныхъ слѣдовъ: таково уже вообще свойство дѣятельности актера. Въ немногихъ разсказахъ и воспоминаніяхъ современниковъ о Волковѣ не встрѣчается подробнаго разбора его игры. Изъ коротких отзывовъ о Волковѣ, какъ объ актерѣ, видно, что онъ обладалъ большимъ сценическимъ дарованіемъ. Когда онъ съ своею труппою пріѣхалъ въ Петербургъ, опытные и знающіе люди увидали въ немъ и его товарищахъ огромныя сценическія способности. Его игра,—насколько это было возможно при тогдашнемъ репертуарѣ и понятіяхъ о сценическомъ творчествѣ, какъ объ искусной декламаціи, — была, по выраженію Новикова, „только что природная и неукрашенная искусствомъ“. Въ игрѣ Волкова всегда слышалось внутреннее чувство, онъ безъ театральныхъ эффектовъ очаровывалъ своихъ слушателей. Это стремленіе къ правдѣ, къ натуральности въ сценической передачѣ сдѣлалось впослѣдствіи отличительнымъ свойствомъ русскихъ актеровъ. Еще въ одномъ изъ отзывовъ говорится, что Волковъ былъ первый и лучшій трагическій актеръ, а въ другомъ,—что лучшая его роль была роль „бѣшенаго“. Это выраженіе, всего вѣроятнѣе, надо понимать въ томъ

смыслѣ, что въ игрѣ Волкова было много чувства, что онъ хорошо умѣлъ изображать бурныя страсти и бѣшеные порывы. По словамъ Новикова, по учрежденіи русскаго театра, Волковъ показалъ свои дарованія во всемъ блескѣ, всѣ увидѣли въ немъ великаго актера, и слава его была засвидѣтельствована иностранцами.

Въ одной хроникѣ стариннаго русскаго театра насчитывается больше 60 ролей, которыя игралъ Волковъ. Тутъ встрѣчаются комическія, трагическія и характерныя роли.

Волковъ не оставилъ послѣ себя сценическаго наслѣдства, въ видѣ такъ называемой школы, въ видѣ традицій, переходящихъ изъ одного поколѣнія актеровъ въ другое, хотя навѣрное ему пришлось быть руководителемъ собранной имъ труппы и въ этомъ отношеніи. Труды по организаціи перваго театра и слишкомъ ранняя смерть не дали ему возможности примѣнить свои способности на поприщѣ образованія сценическихъ силъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ, хотя Волковъ былъ несомнѣнно выдающимся актеромъ своего времени, но въ ряды замѣчательныхъ людей его выдвинулъ не сценическій талантъ. Заслуга его заключается въ организаціи перваго русскаго публичнаго театра. На это дѣло онъ отдалъ всѣ свои нравственныя силы и матеріальныя средства, къ этому дѣлу онъ приложилъ всѣ свои выдающіяся способности, все свое многостороннее развитіе, онъ былъ душою задуманнаго и созданнаго имъ дѣла. Достаточно сказать, что Волковъ былъ

всѣмъ въ своемъ театрѣ, начиная съ машиниста и кончая авторомъ, чтобы оцѣнить его значеніе для зарождавшагося русскаго театра. Театральное дѣло было тогда новымъ дѣломъ, которое понимать и цѣнить могли лишь передовые люди того времени. Потребности въ театрѣ у массы не существовало, приходилось ее возбуждать и поддерживать. А это представляло трудную задачу, рѣшить которую въ благопріятномъ смыслѣ можно было лишь съ упорной энергіей и той безкорыстной любовью къ труду, какими обладалъ Волковъ. Придворный театръ, носившій характеръ увеселеній для избраннаго общества, могъ бы долго оставаться такимъ, если бы не явился Волковъ, хотя и при немъ онъ не сдѣлался публичнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Волковъ не былъ простымъ орудіемъ случая. Открывая свой театръ, онъ дѣйствовалъ вполнѣ сознательно и самостоятельно. Обстоятельства сложились благопріятно для его дѣла, получившаго покровительство правительственной власти, но это не отнимаетъ у Волкова значенія его общественной дѣятельности. Въ эту эпоху первыхъ попытокъ къ развитію и упроченію русскаго просвѣщенія, такіе люди, какъ Волковъ, твердые волей и до самоотверженія преданные своей идеѣ, являлись фундаментомъ, на которомъ строились успѣхи русской науки и русскаго искусства въ теченіе полутора вѣка. Волковъ былъ главнымъ зиждителемъ на своей родинѣ одного изъ важнѣйшихъ двигателей общечеловѣческаго развитія — сценическаго искусства. Онъ далъ ему въ родной землѣ прочное и устойчивое основаніе, и русская

сцена съ тѣхъ поръ выросла, окрѣпла и стала на ряду съ лучшими западно-европейскими сценами.

По тѣмъ даннымъ, которыя сохранились о Волковѣ въ литературѣ, можно утвердительно сказать, что онъ представлялъ собою идеалъ образованности и высоты нравственнаго уровня, которыя должны характеризовать истиннаго актера, служащаго честно и искренно въ сферѣ искусства народному просвѣщенію. Монархи, говорятъ его біографы, жаловали его, вельможи считали за честь и удовольствіе его посѣщенія. И въ этомъ отношеніи основатель русскаго театра является идеальнымъ представителемъ тої корпораціи, задача которой—служеніе искусству и просвѣщенію массъ—такъ широка, такъ плодотворна и требуетъ такого строгаго уваженія со стороны посвятившихъ себя ея выполненію.

Глубокообразованный умъ, всестороннее развитіе, непреклонная энергія, горячая, искренняя и безкорыстная любовь къ искусству, высокія нравственныя качества — все это, въ связи съ заслугами, отмѣченными исторіей русскаго театра, выдѣляетъ Волкова изъ ряда обыкновенныхъ людей. Рано угасла жизнь основателя русскаго театра, но дѣятельность его и заслуги никогда не будутъ забыты общей исторіей прогрессивнаго движенія Россіи, а воспоминанія о высоко-даровитой и свѣтлой личности Волкова будутъ всегда дороги не только любящимъ русскую сцену и живущимъ ея интересами, но и всѣмъ людямъ земли русской, желающимъ знать ея судьбы и судьбы ея замѣчательныхъ дѣятелей.

7*

XI.

Портретъ Волкова въ Демидовскомъ лицеѣ.— Полушкина роща.

Собираясь вести васъ дальше по „Волковскому Ярославлю“, я долженъ замѣтить, что мой очеркъ преслѣдуетъ цѣли исторической правды. И если „изъ пѣсни слова не выкинешь“, то и изъ исторіи нельзя выбрасывать фактовъ. Память о Волковѣ, т. е. отношеніе къ его заслугамъ потомства за полтораста лѣтъ—теперь уже дѣло исторіи. И все, что я пишу объ этомъ отношеніи пусть читатель вмѣстѣ со мною приметъ за историческое прошлое и скажетъ: „все это было, прошло и быльемъ поро́сло“.

На родинѣ русскаго театра, въ Ярославлѣ, вспомнили о Волковѣ и его заслугѣ, и теперь прошлое забвеніе отошло въ область исторіи, которую мы и прослѣдимъ вмѣстѣ съ вами.

По набережной, мимо губернаторскаго дома, вы достигнете лицея, гдѣ можете увидать хранящійся тамъ портретъ Волкова.

Портретъ основателя русскаго театра принесенъ былъ въ даръ городу Ярославлю однимъ изъ достойнѣйшихъ преемниковъ Волкова по сценѣ — знаменитымъ Щепкинымъ. Объ этомъ въ свое время было напечатано сообщеніе [35]), изъ котораго видно, что М. С. Щепкинъ случайно пріобрѣлъ современный Волкову портретъ и пожелалъ его пожертвовать родному го-

роду основателя русскаго театра. Въ письмѣ на имя ярославскаго губернатора М. С. Щепкинъ просилъ принять портретъ въ даръ, для храненія его въ Демидовскомъ Юридическомъ лицеѣ, „какъ въ заведеніи, являющемся мѣстнымъ представителемъ науки, такъ тѣсно связанной въ развитіи своемъ съ изящнымъ искусствомъ, одну изъ отраслей котораго водворилъ въ нашемъ отечествѣ достойный ярославецъ—Волковъ“. Портретъ этотъ былъ принятъ, и Министерство Народнаго Просвѣщенія объявило свою благодарность Щепкину за пожертвованіе.

Такова была оффиціально засвидѣтельствованная исторія портрета Волкова, находящагося въ Демидовскомъ лицеѣ. Мнѣ посчастливилось узнать и другую сторону этой исторіи. Бесѣдуя какъ-то съ почтенной артисткой Императорскаго Московскаго театра, Н. В. Рыкаловой, о театральномъ прошломъ, я въ разговорѣ вспомнилъ о портретѣ Волкова въ Ярославлѣ. Ей тотчасъ же пришло на память, какъ попалъ этотъ портретъ къ Щепкину, и оказалось слѣдующее. Портретъ этотъ, по всей вѣроятности, принадлежалъ къ собранію графа Н. П. Шереметева; эта коллекція, вмѣстѣ съ декораціями и другими театральными вещами и аксессуарами, разбрелась по разнымъ рукамъ послѣ того, какъ Кусковскій театръ графа, подъ Москвою, былъ уничтоженъ. Въ Москвѣ и до сихъ поръ, въ антикварной продажѣ, попадаются масляные портреты старинныхъ артистовъ, какъ увѣряютъ, изъ собранія графа Шереметева. И вотъ, по словамъ Н. В. Рыкаловой, ея покойному дядѣ, извѣстному артисту Московскаго театра, П. Г. Степанову, случилось пріобрѣ-

сти портретъ Волкова у бывшаго управляющаго графа Шереметева, вмѣстѣ съ другими портретами: Вольтера, Каліостро и проч. Портретъ Волкова у графскаго слуги находился не въ большомъ почетѣ и служилъ на пользу своему владѣльцу: *имъ накрывали кадки.* П. Г. Степановъ купилъ портретъ за два двугривенныхъ и оставилъ его у себя. Когда праздновалось столѣтіе со времени основанія русскаго театра, къ Степанову пріѣзжаетъ Щепкинъ и проситъ его: „Петя, голубчикъ, добудь гдѣ-нибудь или купи портретъ Волкова". П. Г. Степановъ и отдалъ ему Шереметевскій портретъ, а Щепкинъ, когда послѣ празднества надобность въ портретѣ миновала, подарилъ его Ярославлю...

Посмотрѣть этотъ портретъ Волкова я, будучи въ Ярославлѣ, считалъ для себя обязательнымъ.

Пройдя два-три высокихъ зала лицея, я вошелъ въ небольшую комнату и здѣсь, на библіотечномъ шкафѣ, увидалъ портретъ Волкова, въ извѣстномъ его изображеніи. Портретъ стоялъ прислоненнымъ къ стѣнѣ и производилъ впечатлѣніе вещи, сунутой куда-нибудь, за ненадобностью. Конечно, не мѣсто краситъ тотъ или иной предметъ, и портретъ Волкова, въ сущности, сдѣлалъ блестящую карьеру, попавъ черезъ сорокъ лѣтъ изъ покрышки къ кадкамъ на библіотечный шкафъ. Но неужели въ учрежденіи, являющемся, по выраженію Щепкина, „представителемъ науки, такъ тѣсно связанной въ развитіи своемъ съ искусствомъ", не нашлось гдѣ-нибудь болѣе приличнаго и виднаго помѣщенія для портрета славнаго представителя искусства, замѣчательнаго русскаго человѣка и при томъ *ярославца?* Прежде почему-то порт-

рету было больше почета, и онъ, по словамъ секретаря лицейскаго совѣта, помѣщался въ совѣтской комнатѣ.

Вообще отъ лицея можно было бы ожидать больше вниманія къ памяти Волкова. Если строго разсуждать, то вѣдь мѣстному высшему учебному заведенію, или въ частности его представителямъ, слѣдовало бы давно привести въ порядокъ всѣ данныя о Волковѣ и собрать все, что въ Ярославлѣ напоминаетъ о немъ. Лицей существуетъ уже четвертую четверть вѣка, а въ это время можно было, вѣроятно, сохранить и преданія, и, можетъ быть, сберечь какія-нибудь вещественныя воспоминанія о Волковѣ. Однако, ничего этого, насколько извѣстно, сдѣлано не было, а, между тѣмъ, сдѣлать это было бы такъ необходимо и такъ понятно со стороны учрежденія, устроеннаго и существующаго для благого просвѣщенія. Вѣдь хранитъ же лицей пуговицу отъ сюртука, въ которомъ Пушкинъ былъ въ день дуэли, и показываетъ эту драгоцѣнность заѣзжимъ иностранцамъ [36]). И въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, — напротивъ, дорожить вещественными напоминаніями о великихъ людяхъ слишкомъ почтенное качество... Черезъ годъ (въ 1895 г.) я снова посѣтилъ Ярославскій лицей; портретъ Волкова стоялъ все тамъ же и такъ же...

Оттѣнокъ грусти, навѣянной на меня забвеніемъ Волкова въ Ярославлѣ, могла прогнать далекая прогулка въ Полушкину рощу, и я отправился туда. Имѣла ли къ Волкову какое-нибудь отношеніе эта роща,—исторически точно неизвѣстно. Можно думать, что она принадлежала его отчиму; а потомъ — и ему

съ братьями; тутъ, навѣрное, онъ бывалъ, гулялъ, наслаждался природой и вдохновлялся мечтами объ излюбленномъ искусствѣ...

Отъ собора, сосѣдняго съ лицеемъ, вы направитесь по бульвару, мимо городской думы и памятника Демидову, мимо Ильинской церкви и присутственныхъ мѣстъ, по Пробойной улицѣ, мимо бывшаго дома Волкова, и по Стрѣлецкому бульвару къ театру; оттуда—по Духовской улицѣ, прорѣзывающей до окраины

Видъ съ Волги на Полушкину рощу, близъ Ярославля.
Съ фотографіи И. В. Борщевскаго.

городъ, часть котораго вы кстати и осмотрите; на границѣ города—оврагъ, а за нимъ—Полушкина роща.

Темную массу стараго лѣса видно изъ города, отъ пристаней. Роща раскинулась на самомъ берегу рѣки. Со временъ далекой старины роща сильно порѣдѣла, но и теперь много тѣни подъ густо-зеленымъ навѣ-

сомъ великановъ. На другой сторонѣ Волги видны село, фабрики, а на срединѣ широко разлившейся рѣки—островокъ, поросшій зеленью, куда ярославцы пріѣзжаютъ на пикники. Въ самой рощѣ расположены столики и скамейки для гуляющихъ; здѣсь изстари—мѣсто для прогулокъ, и когда-то оно было любимымъ: ярославцы пріѣзжали сюда семьями, съ самоварами и закусками [37]). Въ глубинѣ лѣса—дачи.

Въ Полушкину рощу можно съѣздить также отъ пристаней, на лодкѣ. Обратный путь, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ держать по набережной.

Въ далекія времена здѣсь происходили семинарскія „рекреаціи“, которыя посѣщалъ первый ярославскій архіепископъ Арсеній Верещагинъ (1784 г.). Однажды семинаристы придумали дать на „рекреаціи“ театральное представленіе въ Полушкиной рощѣ; въ присутствіи огромной толпы семинаристовъ и посторонней публики, особенно духовнаго класса и консисторскихъ приказныхъ, въ маѣ 1814 года, разыграна была тамъ на открытомъ воздухѣ оригинальная опера-комедія—„Два ставленника“ [38]).

XII.

Волковъ въ ярославской литературѣ.

Основаніе русскаго театра—такое событіе въ исторіи русской культуры, а Волковъ—такое замѣчательное лицо, что мѣстная литература не могла обойти этого совершеннымъ молчаніемъ. Къ сожалѣнію, запасъ приведенныхъ и разработанныхъ мѣстною лите-

ратурой свѣдѣній о Волковѣ и его театрѣ—крайне скуденъ. Этотъ недостатокъ выступаетъ тѣмъ рѣзче, что Ярославль, не въ примѣръ другимъ среднимъ губернскимъ городамъ, располагаетъ научными силами профессорскаго состава высшаго учебнаго заведенія. Но лицей, какъ я уже замѣтилъ, ничего не далъ по вопросу о первомъ Ярославскомъ театрѣ (если не считать брошюрки о Волковѣ одного изъ покойныхъ теперь лицейскихъ преподавателей, о которой рѣчь ниже).

Ярославцы утверждаютъ, чуть не въ одинъ голосъ, что ихъ городъ „мертвый"—такъ вяло и разрозненно идетъ общественная жизнь, такъ слабы и мелки общественные интересы. Какъ и во многихъ городахъ на Руси, и здѣсь „мелочи жизни" поглощаютъ все время и всѣ заботы большинства, не только массы,—полуневѣжественной и неподвижной,—но и образованныхъ людей. И мѣстной исторіи, и археологіи приходилось бы у насъ вообще плохо, если бы въ провинціальныхъ центрахъ не появлялись отъ времени до времени историки и археологи по призванію, люди полагающіе всю свою душу и не мало труда на разработку и изслѣдованіе вопросовъ родной старины. Такіе почтенные дѣятели, были, конечно, и въ Ярославлѣ, но никто изъ нихъ не занимался спеціально выясненіемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ярославскую жизнь Волкова и основаніе перваго театра.

Наиболѣе цѣннымъ вкладомъ въ мѣстную литературу о театрѣ и Волковѣ представляется указъ, о которомъ уже много разъ упоминалось выше. Онъ былъ

сообщенъ въ „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (1870, №№ 30 и 31) В. И. Лѣствицынымъ († 1889 г.), много вообще поработавшимъ надъ ярославскою старпной. Въ предисловіи къ указу онъ сообщаютъ и о происхожденіи послѣдняго. По его словамъ, ярославскій сѣрно-купоросный заводъ Полушкина находился не у Полушкиной рощи, а по другую сторону Ярославля, за Ямскимъ лѣсомъ, въ Дядьковскомъ оврагѣ, подлѣ дачи Троскина (по другому прозвищу — Свѣшникова), гдѣ теперь „Вѣтка“. Документъ, списанный и напечатанный Лѣствицынымъ, находился въ архивѣ одного изъ послѣднихъ владѣльцевъ завода Василія Александровича Свѣшникова, умершаго въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.

Кромѣ этого указа, никакихъ матеріаловъ о Волковѣ не появлялось въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за полвѣка (1831—1880); такъ можно заключить изъ указателя къ этой газетѣ [39]). Полный же экземпляръ „Вѣдомостей“, по которому можно было бы провѣрить указатель, невозможно отыскать.

Описывая общественную жизнь въ Ярославлѣ при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, другой мѣстный историкъ, Л. Н. Трефолевъ, посвящаетъ часть своей статьи Волкову. Хотя, — говоритъ онъ, — Волковъ родился въ Костромѣ, „но ярославцы не должны уступать его своимъ сосѣдямъ костромичамъ. Нѣтъ! Волковъ нашъ, всецѣло нашъ, ярославецъ. Прекрасное и великое, по своимъ послѣдствіямъ, созданіе его— русскій театръ — основалось на ярославской почвѣ. Волковъ провелъ въ Ярославлѣ свою молодость... Волковъ любилъ ярославскія святыни. Но мы, не-

благодарные потомки, къ стыду нашему, забыли того человѣка, который самъ составляетъ для насъ историческую святыню“ [40]). Пользуясь тѣмъ же указомъ и разысканными журналами ярославскаго магистрата, Л. Н. Трефолевъ набрасываетъ картину жизни Волкова въ тотъ періодъ, когда заводы Полушкина, подъ управленіемъ его пасынковъ, приходили въ полный упадокъ и разореніе. Журналы магистрата, къ сожалѣнію, выясняютъ мало новаго. Авторъ въ той же статьѣ обѣщаетъ изслѣдовать магистратскіе журналы за 1752 годъ, когда въ Ярославль пріѣзжалъ по дѣламъ виннаго откупа сенатскій чиновникъ Игнатьевъ, черезъ котораго вѣсть о Волковскомъ театрѣ дошла до Петербурга. По справедливому замѣчанію автора, „личность Игнатьева заслуживаетъ вниманія исторіи: кто знаетъ—можетъ быть, безъ этого сенатскаго экзекутора мы не имѣли бы и Волкова?“ Но, вѣроятно, попытки разыскать что-либо, касающееся Игнатьева, были неудачны, потому что въ печати объ этомъ ничего не появилось.

Еще раньше Лѣствицына и Трефолева судьбою Волкова и перваго Ярославскаго театра интересовался третій мѣстный историкъ, Серебренниковъ. О его возраженіи на статью Кони сказано выше. Кромѣ того, мы находимъ еще въ „Ярославскомъ Сборникѣ“ (на 1850 г.) довольно большую по объему его работу о Волковѣ [41]). Но объемъ статьи не соотвѣтствуетъ интересу ея внутренняго содержанія. Авторъ очень мало даетъ свѣдѣній изъ мѣстныхъ источниковъ; хотя онъ и называетъ въ числѣ матеріаловъ изустные разсказы старожиловъ и свои записки, но сообщаетъ біографію

Волкова по Новикову и другимъ литературнымъ матеріаламъ. Единственное, что въ его статьѣ явилось новымъ, это—указаніе на существованіе дома Полушкина и амбара-театра [42]).

Изъ отдѣльныхъ изданій, посвященныхъ Волкову, въ мѣстной литературѣ можно указать только на брошюру К. Д. Головщикова, которая не представляя интереса въ литературномъ отношеніи, не даетъ ничего новаго [43]).

Я не буду останавливать вниманіе читателей на различныхъ историческихъ очеркахъ Ярославля, корреспонденціяхъ оттуда и другихъ статьяхъ, въ которыхъ упоминается имя Волкова,—въ нихъ не встрѣчается ничего существеннаго для его біографіи [44]).

Этимъ и исчерпывается вся мѣстная литература о первомъ Ярославскомъ театрѣ и его основателѣ. Глубоко надо сожалѣть, что не сохранились преданія о томъ далекомъ времени. Правда, что театръ Волкова былъ въ Ярославлѣ наноснымъ и мимолетнымъ явленіемъ,—существованіе его тамъ не пустило глубокихъ корней и врядъ ли разбудило общественную мысль, взволновало общественную жизнь. Но, во всякомъ случаѣ, десятокъ-другой ярославцевъ того времени интересовался театромъ Волкова, какъ благимъ и просвѣтительнымъ дѣломъ. Изъ нихъ могло найтись нѣсколько любителей, которые могли бы и записать разныя подробности о первомъ театрѣ; можетъ быть, такія записи и были, а, можетъ быть, цѣлы и до сихъ поръ, но онѣ пока еще не увидали свѣта.

XIII.

Память о Волковѣ и памятникъ Волкову.

Какъ ни мало сохранилось подробностей о жизни и дѣятельности Волкова, но главное-то о немъ остается памятнымъ навсегда: *онъ основалъ русскій театръ*. Этими нѣсколькими словами опредѣляется его заслуга. Немудрено поэтому, что у всякаго съ именемъ Волкова соединено представленіе, какъ о человѣкѣ замѣчательномъ, о личности исторической. Понятно отсюда, что у людей, поближе знакомившихся съ біографіей основателя русскаго театра, зарождалась мысль почтить память его какимъ-нибудь прочнымъ и достойнымъ имени его напоминаніемъ, увѣковѣчить его заслуги монументомъ или какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ.

Первымъ изъ артистической среды возбудилъ этотъ вопросъ одинъ изъ знаменитыхъ преемниковъ Волкова М. С. Щепкинъ.

Въ апрѣлѣ 1856 года онъ пріѣхалъ въ Ярославль на гастроли. Въ день пріѣзда Щепкинъ присутствовалъ на обѣдѣ у мѣстнаго предводителя дворянства. Здѣсь, заговоривъ о театральномъ прошломъ и настоящемъ, онъ задумался, а потомъ заговорилъ съ увлеченіемъ:

„А кому мы всѣмъ этимъ обязаны? Кто, гдѣ, когда, впервые привилъ къ нашей жизни новое искусство? Онъ, незабвенный нашъ Ѳедоръ Григорье-

вичъ Волковъ, здѣсь въ Ярославлѣ, сто лѣтъ тому назадъ! И мы ничѣмъ не почтили этого человѣка.

По крайней мѣрѣ мы, артисты, должны воскресить его память; мы, тысячи людей, которымъ онъ открылъ прекрасный путь къ развитію даровъ Божіихъ, далъ лестное имя почетныхъ гражданъ и нечерствый кусокъ хлѣба. Мы, артисты русскіе, должны воздвигнуть ему памятникъ,— это наше право, наша прямая обязанность. Я увѣренъ, что въ этомъ дѣлѣ найду сочувствіе благородныхъ людей, и памятникъ возникнетъ самъ собою, какъ возникаетъ сама собою благодарность въ чистомъ сердцѣ человѣка".

Черезъ двѣ недѣли закончились гастроли Щепкина, и представители мѣстнаго общества дали отъѣзжавшему гостю обѣдъ въ квартирѣ директора лицея. Среди рѣчей, сказанныхъ за обѣдомъ, особенно выдѣлилась рѣчь профессора Никольскаго.

Обращаясь къ Щепкину, онъ сказалъ: „Совершивъ честно, преданно и славно пятидесятилѣтнее служеніе своему искусству, вы посѣтили мѣсторожденіе русскаго театра. И знаемъ уже мы, какія мысли привели васъ сюда: предъ наступленіемъ праздника столѣтняго юбилея русскаго сценическаго искусства *) вамъ хотѣлось поклониться и, если судьба позволитъ, воскресить незабвенную, но забытую на мѣстѣ тѣнь основателя русскаго театра, родоначальника благороднаго сословія артистовъ, перваго виновника общественнаго смѣха, слезъ, радостей, горя, негодованія.

*) 50-лѣтній юбилей дѣятельности Щепкина былъ отпразднованъ въ Москвѣ 26 ноября 1855 года, а 100-лѣтній юбилей русскаго театра—30 августа 1856 года.

Подвигъ вами задуманный, будучи общимъ правомъ и обязанностью вашихъ собратій по искусству, есть дѣло, достойное вашего имени: чтить память славных людей — значитъ чтить то искусство, которому они послужили добросовѣстно".

Вспомнивъ и охарактеризовавъ далѣе заслуги Волкова, Дмитревскаго и ихъ сотоварищей, авторъ закончилъ рѣчь словами: „Сердцу хочется вѣрить и надѣяться, что недалекъ уже день, когда воскреснутъ въ новомъ блескѣ ваши угасшіе въ народной памяти образы. Въ этихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, передъ лицомъ ветерана нашего сценическаго искусства, выпьемъ, господа, въ честь и славу основателей русскаго театра"!

Всѣ окружили славнаго артиста и, когда пили за его здоровье, онъ отвѣчалъ:

— Вы балуете меня старика,—я не заслужилъ такого радушнаго пріема. Не зная за собой большихъ услугъ искусству, я утѣшаюсь тѣмъ, что добросовѣстно служилъ ему, трудился... Волкову, Волкову, Волкову всѣмъ мы обязаны... Въ честь Волкова, господа, въ честь Волкова! Не вы, а мы, артисты, должны почтить его вѣчнымъ памятникомъ,—это нашъ долгъ, наша обязанность...

Хорошія, теплыя слова были сказаны при этомъ воспоминаніи объ основателѣ русскаго театра, но они надолго такъ и остались словами...

Мысль объ увѣковѣченіи памяти Волкова не разъ возникала и переходила и въ печать. Заканчивая свою статью объ Ярославлѣ при Елизаветѣ Петровнѣ, мѣстный историкъ, Л. Н. Трефолевъ, напоминалъ своимъ

согражданамъ о Волковѣ, его заслугахъ и забвеніи его памяти. „Ярославцамъ“, — пишетъ онъ, — „два раза представлялась возможнымъ почтить достойнымъ образомъ память Волкова: 1856 г.—въ столѣтній юбилей русскаго театра, и въ 1863 г.,—когда минулъ вѣкъ послѣ смерти великаго человѣка. Мы, ярославцы, *просмотрѣли, мы забыли* тогда о лежащей на насъ обязанности отпраздновать Волковскій юбилей (конечно, не пошлымъ образомъ, не „обѣдомъ“). Пишущій эти строки уже осмѣлился однажды послать ярославцамъ во всеуслышаніе горькій упрекъ за невниманіе къ памяти Волкова *) и снова повторяетъ сказанное имъ прежде: *черезъ три года* (4-го апрѣля 1879 года) *исполнится полтораста лѣтъ со дня рожденія отца русскаго театра—Ѳедора Григорьевича Волкова.* Какъ бы хорошо было, если бъ къ тому времени (оно еще не ушло), въ виду Демидовскаго лицея, рядомъ съ колонной Демидова, воздвигнулся памятникъ съ надписью: *Волкову—благодарное потомство.* Не надо особенно пышнаго монумента: самый скромный памятникъ все-таки лучше холоднаго забвенія, лучше, чѣмъ людская неблагодарность“.

Прекрасное пожеланіе, но, увы, не скоро перешедшее въ исполненіе... И оно не было единичнымъ... Но все это не приводило ни къ чему...

Одинъ изъ ярославцевъ такъ характеризовалъ земляковъ Волкова и ихъ отношеніе къ памяти объ основателѣ русскаго театра. Сказано это было полвѣка тому назадъ, но, пожалуй, такой же отвѣтъ дали бы

---

*) На публичныхъ лекціяхъ въ 1873 году.

ярославцы и недавно, если бы заговорить съ ними о памятникѣ Волкову. Корреспондентъ „Репертуара и Пантеона“ сожалѣлъ въ 1846 году, что въ Ярославлѣ, „тамъ, гдѣ впервые были внѣжены эти сѣмена (театръ), такъ плохо, такъ невнимательно заботятся объ этомъ деревцѣ. Нашъ бѣдный батюшка Ярославль, не въ укоръ ему, даже отстаетъ въ этомъ отъ многихъ своихъ собратовъ. Заведемъ рѣчь съ ярославцемъ объ этомъ предметѣ. *Ну, что же такое, что въ Ярославлѣ театръ сперва завели? эка важность! мало ли что заводится; ну, васъ... Да что и хорошаго-то больно много нашли, деньги-то выманиваютъ; видали-ста ты евти вещи.* Вотъ какъ отзовется на вашъ благородный возгласъ землякъ безсмертнаго Волкова. Разумѣется, тутъ нечего и спорить...“ [45]).

Если трудно было побудить русское общество и въ частности ярославцевъ почтить чѣмъ-нибудь память основателя русскаго театра, то еще труднѣе казалось достигнуть этого въ средѣ преемниковъ Волкова по профессіи. Призывъ Щепкина на ярославскомъ обѣдѣ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и напрасно профессоръ-ораторъ, отвѣчая артисту и ручаясь за успѣхъ его мысли, восклицалъ: „Кто же будетъ настолько худъ и нищъ душою, что не отзовется много или мало на вашу прекрасную мысль“...

„Худыхъ и нищихъ душою“ нашлось, очевидно, слишкомъ много, потому что воззваніе Щепкина не возымѣло дѣйствія.

Напоминанія такого же характера дѣлались преемникамъ Волкова и въ печати.

По случаю 160-й годовщины со дня рожденія Вол-

кова было написано: „Въ день рожденія Волкова не заявитъ ли чѣмъ-нибудь себя русское актерство, не поможетъ ли чѣмъ-нибудь само себѣ, не пуститъ ли хоть росточекъ единенія и сплоченности... Сдѣлайте что-нибудь общее, и это небольшое общее выростетъ въ глазахъ всей массы актеровъ въ крупный фактъ. Соберите, положимъ, въ своей средѣ и для своей среды что-нибудь на доброе дѣло въ память Волкова, на его памятникъ, — вещественный или духовный, — доведите до конца это начинаніе, — вотъ вамъ звено нравственной связи, вотъ толчокъ къ развитію общественныхъ интересовъ въ мірѣ актеровъ“ [46]).

Актеры,—приходилось говорить въ другой разъ,— должны „взять на себя инициативу и создать *Взаимно-вспомогательное общество русскихъ актеровъ,* назвавъ его, въ память перваго актера, *Волковскимъ*. Это общество взаимопомощи огуманизируетъ „жестокіе нравы“, пробудитъ сознаніе общности интересовъ, улучшитъ матеріальную обстановку актерскаго міра... Да и мало-ли добрыхъ и благородныхъ дѣлъ сдѣлаетъ оно...“ [47]).

Все это, къ сожалѣнію, осталось одними благими желаніями и намѣреніями. Лишь Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ (нынѣ Русское Театральное Общество) принесло посильную дань памяти и заслугамъ основателя русскаго театра. Оно соорудило въ честь его памятную доску и воздвигло ее, въ 1893 году, въ Москвѣ, на кладбищѣ Андроньева монастыря, гдѣ Волковъ нашелъ себѣ преждевременную, теперь давно затерянную могилу [48]).

Ярославль вздумалъ почтить память своего знаменитаго гражданина около ста двадцати лѣтъ спустя

8*

послѣ его смерти. Это случилось вслѣдъ за переходомъ мѣстнаго театра въ собственность города. Долгое время послѣ Волкова въ Ярославлѣ не было театра, затѣмъ ставились лишь любительскіе спектакли и играли крѣпостные ярославскихъ помѣщиковъ-меценатовъ. Постоянный театръ возникъ въ Ярославлѣ лѣтъ семьдесятъ пять тому назадъ и находился въ рукахъ то того, то другого антрепренера. Ярославскій театръ давно уже сталъ считаться благоустроеннымъ, и еще въ 1847 году мѣстный критикъ предавался такимъ размышленіямъ. „Часто, сидя въ театрѣ, думаешь: что, если бы незабвенный основатель перваго русскаго театра, ярославецъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, поднялся изъ могилы, какъ радостно забилось бы его сердце, какъ отрадно было бы ему, что всѣ его добрыя начинанія принялись и выросли. Вмѣсто кожевеннаго амбара, гдѣ онъ въ первый разъ представлялъ съ братьями своими и прикащиками драму „Эсфирь“, онъ увидѣлъ бы чистый помѣстительный театръ, со всѣми удобствами для зрителей, въ которомъ такъ тепло и спокойно сидѣть и откуда иногда выносишь отрадное впечатлѣніе“ [49]).

Въ 1882 году городъ пріобрѣлъ и перестроилъ театръ, и теперь онъ одинъ изъ лучшихъ въ провинціи, — съ красивымъ фасадомъ, съ изящнымъ и довольно помѣстительнымъ зрительнымъ заломъ, — словомъ, онъ, если и не вполнѣ, то до извѣстной степени, удовлетворяетъ представленію о томъ храмѣ Таліи и Мельпомены, который долженъ украшать собою родину русскаго театра.

Мысль о томъ, что Ярославскій театръ долженъ

быть чѣмъ-нибудь связанъ съ именемъ и памятью ярославца Волкова, основателя русскаго театра, — вполнѣ естественна и напрашивается сама собою. Она не могла не остановить на себѣ вниманія и ярославскихъ гражданъ, когда городъ вступилъ во владѣніе театромъ. Въ осуществленіе этой мысли и былъ воздвигнутъ, въ 1882 году, въ фойэ Ярославскаго театра,

Ярославскій театръ.

бюстъ Волкова. Это состоялось, согласно опредѣленію городского общественнаго управленія, изложенному въ самомъ проектѣ о постройкѣ театральнаго зданія; особаго же постановленія Ярославской думы по этому предмету не было *).

Театръ замыкаетъ собою противоположный отъ

*) По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Ярославской Городской Управы.

Волги конецъ Стрѣлецкаго бульвара, и туристу не представится затрудненій осмотрѣть его съ внѣшней стороны. Но если вамъ въ прежнее время не удалось бы попасть внутрь театра, нестоило бы горевать объ этомъ, потому что гипсовый бюстъ Волкова въ художественномъ отношеніиб ылъ нисколько не замѣчателенъ, не отличался сходствомъ съ оригиналомъ, судя по описанію наружности основателя русскаго театра. Глядя на этотъ бюстъ, трудно было себѣ представить въ воображеніи черты энергичнаго Волкова, человѣка —„великаго, обымчиваго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго разсужденія и рѣдкихъ дарованій“. Къ тому же, въ надписи къ бюсту сдѣлана была непростительная ошибка: Волковъ, сказано было здѣсь, основалъ театръ въ Ярославлѣ въ 1756 году *).

Этотъ бюстъ былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы могъ хотя отчасти замѣнить памятникъ и вообще достойно напомнить о Волковѣ. Попытка осуществить мысль о памятникѣ основателю русскаго театра была уже. Въ 1888 году, въ годовщину дня рожденія Волкова, 9-го февраля, антрепренеръ Ярославскаго театра, Н. А. Борисовскій, далъ спектакль, часть сбора съ котораго предназначилъ для основанія капитала на сооруженіе въ Ярославлѣ памятника Волкову. Эту часть сбора, выразившуюся въ суммѣ 32 рублей, Борисовскій представилъ губернской власти, которая признала мысль о постановкѣ въ Ярославлѣ памятника основателю русскаго театра заслуживающей пол-

*) Ошибка эта была исправлена, кажется, только въ 1899 г.

наго вниманія и сочувствія и обратилась къ высшему начальству съ ходатайствомъ дать дальнѣйшій ходъ этому доброму намѣренію. Но на томъ все и остановилось, ибо признано было, что фактъ устройства перваго русскаго театра едва ли представляется такой обще-государственной заслугой, которая давала бы право имени Волкова стать въ сознаніи народномъ наряду съ именами великихъ русскихъ гражданъ, монументами коихъ украшены города Россіи.

Осмотрѣвъ „Волковскій Ярославль“, я думалъ:

„Если бы въ Ярославлѣ и въ ярославцахъ жила память объ основателѣ русскаго театра, — онъ не былъ бы такъ забытъ, хотя по имени. Городу ничего бы не стоило увѣковѣчить память Волкова, связавъ его имя съ какимъ-нибудь городскимъ учрежденіемъ, соотвѣтствующимъ этому по своему назначенію [50]). Отчего не называться *Волковскими*—ярославскому городскому театру или тому городскому училищу, которое находится неподалеку отъ дома Волкова, на томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ Бирономъ, и гдѣ основатель русскаго театра, быть можетъ, воспринималъ отъ нѣмецкаго пастора умственно-нравственные уроки?.. Отчего бы не назвать хотя часть той улицы, на которой жилъ Волковъ, *Волковскою?*... Отчего бы не прибить къ его дому памятную доску?.. Отчего бы“...

Оставалось утѣшиться тѣмъ, что поиски не были совсѣмъ безплодными. Но это не прогоняло налета легкой грусти и разочарованія, и подъ ихъ впечатлѣніемъ я вышелъ на Волжскую набережную. Ширь и красота охватили меня. Вечеръ давно уже догоралъ, и рѣчною свѣжестью легко дышала грудь, на-

глотавшаяся за день городской пыли. Видъ Волги измѣнялся: все принимало фантастическія очертанія, окрашивалось въ темные цвѣта. У дальняго берега луна падала въ рѣку звѣздчатымъ пятномъ, которое тянулось яснымъ столбомъ до другого берега. На потемнѣвшей поверхности рѣки тамъ и сямъ мелькали синіе и красные огоньки; они колыхались по волнамъ, сбивались въ безпорядочную кучу у пристаней, освѣщая утлыя лодки, неповоротливые пароходы. И все это, отраженное въ водѣ, казалось волшебной картиной среди неумолкнувшаго еще шума дневной суеты.

Природа и жизнь—могучіе утѣшители, и мало-помалу другое направленіе принимали мои мысли. А когда тѣмъ же позднимъ вечеромъ бѣлыя громады и темныя очертанія Ярославля уходили все дальше и дальше отъ нашего парохода, мнѣ думалось: „Пусть это кажущееся забвеніе окружаетъ память Волкова—его заслуга, его дѣло отъ этого не уменьшатся и не исчезнутъ. Придетъ время,—и оно, можетъ быть, недалеко,—когда и внѣшними знаками признательности почтятъ его память. Но если бы этого, къ стыду потомства, и не случилось,—имя его не умретъ никогда въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ самъ обезсмертилъ его, и жить ему до тѣхъ поръ, пока живетъ созданіе Волкова—русскій театръ“...

XIV.

Въ ожиданіи будущаго.

Прошло около пяти лѣтъ со времени моего перваго паломничества въ „Волковскій Ярославль“. Въ

эти годы случились событія, которыя должны глубоко отразиться на судьбахъ русскаго театральнаго міра.

Еще до этого времени потеряло свое принципіальное значеніе мнѣніе, по которому признавалось, что фактъ устройства перваго русскаго театра едва ли представляется такою общегосударственною заслугоїї, которая давала бы право имени актера основателя театра стать въ сознаніи народномъ на ряду съ именами великихъ русскихъ гражданъ, монументами кохъ украшены города Россіи. На родинѣ актера Щепкина, въ Суджѣ, былъ воздвигнутъ ему памятникъ, и, такимъ образомъ, за дѣятельностью актера было признано общественно-государственное значеніе, заслуживающее памяти и благодарности потомства.

Въ тѣ же годы въ общественномъ мнѣніи значительно укрѣпился принципъ, который коротко и ясно формулированъ тѣмъ же Щепкинымъ: „и лицедѣи—люди“. Для актеровъ создалась возможность объединяться вокругъ учрежденія, преслѣдующаго и идейныя, и матеріальныя цѣли плодотворнаго воздѣйствія на артистическую среду. Это учрежденіе—Русское Театральное Общество, принятое подъ Свое Высочайшее покровительство Государемъ Императоромъ.

Общество это созвало первый съѣздъ русскихъ сценическихъ дѣятелей. Одна изъ задачъ съѣзда—нравственный подъемъ среды—рѣшена была уже самымъ его созваніемъ. Актеры впервые, во-очію и каждый на самомъ себѣ, почувствовали значеніе своей общественноїї дѣятельности, увидали признаніе за ними этого значенія. Для нихъ стала понятна польза

общенія, взаимопомощи, упорядоченія профессіональ-ныхъ отношеній.

Для нихъ эти годы сдѣлались гранью, съ одной стороны которой въ темныхъ контурахъ рисовалось прошлое, а съ другой—загоралась заря свѣтлаго будущаго. Въ этомъ будущемъ — для нихъ поприще самодѣятельности, тогда какъ до сихъ поръ равнодушіе къ своимъ собственнымъ интересамъ лишало преемниковъ Волкова самостоятельности.

Еще болѣе равнодушны были они къ исторіи своего дѣла, къ памяти тѣхъ, кто когда-то создалъ это дѣло и упрочилъ его. Пушкинъ, назвавшій вообще русскихъ „лѣнивыми и нелюбопытными“, въ стократъ справедливѣе могъ бы приложить эти эпитеты къ русскимъ сценическимъ дѣятелямъ. Все наше театральное прошлое свидѣтельство тому, а память о Волковѣ въ особенности.

Развѣ небезконечно правъ былъ Щепкинъ, около полвѣка тому назадъ горячо утверждая: „мы, артисты, должны воскресить его память; мы, тысячи людей, которымъ онъ открылъ прекрасный путь къ развитію даровъ Божіихъ далъ лестное имя почетныхъ гражданъ и нечерствый кусокъ хлѣба, *мы, артисты русскіе должны воздвигнуть ему памятникъ — это наше право, это наша прямая обязанность*“.

И какимъ наивнымъ кажется намъ теперь тотъ профессоръ, который, отвѣчая Щепкину, не сомнѣвался, что совсѣмъ не найдется „худыхъ и нищихъ душой“, что на прекрасную мысль отзовутся всѣ.

Мысль эта заглохла надолго. Не поддержали ее и тѣ „худородные“ міра театральнаго, которыхъ провин-

ція не лаврами вѣнчала, а колола терніями, держала въ черномъ тѣлѣ, холодными и голодными. Не поддержали ее и тѣ, которые обязаны Волкову, по выраженію Щепкина, тѣмъ, что имѣютъ *не черствый кусокъ хлѣба.*

Память о Волковѣ воскресаетъ почти черезъ полстолѣтія послѣ хорошихъ словъ, выражавшихъ прекрасныя мысли, и воскресаетъ не въ средѣ преемниковъ Волкова и Щепкина.

Вопросъ о чествованіи памяти Волкова возбуждается людьми науки и литературы, въ лицѣ Ярославской ученой архивной коммисіи и мѣстнаго органа печати. Ярославцы, мѣстная высшая администрація и городское управленіе, горячо берутся за осуществленіе мысли о чествованіи памяти основателя русскаго театра. Русское Театральное Общество примыкаетъ къ этому началу.

10 февраля 1900 года, по ходатайству совѣта Русскаго Театральнаго Общества, черезъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе повсемѣстной подписки для сбора пожертвованій на сооруженіе въ Ярославлѣ памятника основателю русскаго театра.

Затѣмъ организуются Волковскія празднества, на которыхъ съ честью и славой долженъ воскреснуть полузабытый обликъ перваго русскаго актера, — актера не по названію только, истиннаго служителя чистаго искусства.

Теперь уже не заглохнетъ память о Волковѣ. Ярославль достойно будетъ охранять ее. Кромѣ памят-

ника - монумента, безъ сомнѣнія, Ярославль почтитъ своего земляка и нерукотворною памятью. Городской театръ, слившійся съ „народнымъ домомъ“ для общихъ просвѣтительныхъ цѣлей, будетъ однимъ изъ такихъ вѣковѣчныхъ памятниковъ. „Волковская“ улица, „Волковское“ училище, памятная доска на домѣ Волкова — конечно, станутъ фактами. И многое другое сдѣлаетъ родина русскаго театра для увѣковѣченія памяти его основателя.

Русское общество, по почину Ярославля, теперь вспомнитъ и не забудетъ Волкова, внеся свою жертву на увѣковѣченіе его памяти. Основатель русскаго театра—одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей русскаго просвѣщенія, и если Ярославль имѣетъ право на заботы о его памяти, какъ земляка, то всей Россіи Волковъ принадлежитъ, какъ ея достойный сынъ и какъ слуга, не зарывшій, а пріумножившій данный ему талантъ.

И русскіе актеры, пройдя полуторастолѣтній путь своей общественной работы и только теперь достигая признанія ея со стороны общества, не забудутъ уже своего родоначальника. Грань перейдена,—и на каждое послѣдующее торжество въ честь Волкова его преемники придутъ уже не какъ гости, а какъ хозяева, созывающіе къ себѣ на праздникъ просвѣщенія русское общество.

Въ этомъ—вѣра въ живую и животворящую силу искусства, въ этомъ — надежда на свѣтлую будущность русскаго актера, для котораго полулегендарный и великій образъ Волкова будетъ служить всегда путеводною звѣздой.

Библіографическія примѣчанія.

1) „Библіографическія Записки“, 1860, № 20, стр. 628—629.

2) Къ такимъ біографіямъ Волкова, появившимся въ послѣднее время, можно отнести статьи: г-жи Некрасовой („Артистъ“, 1890, № 8) и покойнаго И. Ѳ. Горбунова („Русскій Вѣстникъ“, 1892, № 2). Болѣе подробныя замѣчанія на статью Горбунова сдѣланы мною въ журналѣ „Артистъ“ (1892, № 22, стр. 118—119, въ ст. „Періодическая печать о театрѣ и искусствѣ вообще“).

3) Ревизскія сказки, найденныя Ярославской ученой архивной коммиссіей, устанавливаютъ для Полушкина въ 1745 г. возрастъ—69 лѣтъ („Сѣв. Край“, 1900, № 105).

4) „Ярославскія Губернскія Вѣдомости“, 1873, № 47, ч. неоффиц., стр. 264, въ ст. „Посѣщеніе редакціи М. П. Погодинымъ“.

5) Біографическій очеркъ — „Ѳ. Г. Волковъ“, написанный авторомъ настоящаго очерка („Жизнь замѣчательныхъ людей“. изд. Ф. Павленкова. Спб. 1891, стр. 11—12).

6) „Репертуаръ Русскаго Театра“, 1840, № 6, стр. 3.

7) Тамъ же, стр. 4.

8) „Журналъ Драматическій на 1811 годъ, издаваемый любителемъ театра“, ч. I, № 3, стр. 225—226.

9) Горбуновъ, стр. 279.

10) „Ярославскій Литературный Сборникъ“, 1850, въ ст. Серебренникова о Волковѣ, стр. 113—131.

11) Общій очеркъ жизни и дѣятельности князя А. А. Шаховского, составленный авторомъ настоящаго очерка, см. „Ежегодникъ Императорскихъ театровъ“, сезонъ 1894—95, приложенія, книги 2 и 3.

[12]) С. Т. Аксаковъ. Разныя сочиненія. Москва. 1858. Стр. 211 — 212.

[13]) „Ярославскій Литературный Сборникъ“, 1850 г., въ ст. Серебренникова о Волковѣ, стр. 133.

[14]) В. Бѣлинскій. Сочиненія. М. 1859—62 гг. Ч. 2, стр. 599—613 (изъ „Московскаго Наблюдателя“, 1838 г.).

[15]) Литографированное изданіе Общества русскихъ драматическихъ писателей. М. 1877.

[16]) „И. А. Дмитревскій, славнѣйшій русскій актеръ“ („Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ“, 1840, ч. I, кн. 3, стр. 87—100).

[17]) „Замѣчанія на статью:—И. А. Дмитревскій, помѣщенную въ Пантеонѣ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ“ („Репертуаръ и Пантеонъ“, 1842, кн. I, смѣсь, стр. 59—61).

[17а]) „Прогулка по 12-ти губерніямъ, въ 1838 г.“ Спб. 1839. Стр. 297.

[19]) Выписки изъ журналовъ Ярославскаго магистрата (1756. № 498), касающіяся Волкова, приведены въ статьѣ Л. Н. Трефолева—„Ярославль при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ“ („Древняя и Новая Россія“, 1877, № 4, стр. 371—377).

[20]) „О россійскомъ театрѣ съ начала его основанія до конца царствованія Екатерины II“ („Отечественныя Записки“, изд. Свиньина, 1822, ч. 12, № 32, декабрь, стр. 289—311; 1823, ч. 13, № 35, мартъ, стр. 370—399).

[21]) Тамъ же, № 32, стр. 289, примѣч. издателя.

[22]) „Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ...“ („Санктпетербургскій Вѣстникъ“, 1779, августъ, стр. 91).

[23]) Забѣлинъ. „Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи“. М. 1873, ч. 2.

[24]) „Русская Талія“, 1825, ст. Н. И. Греча — „Историческій взглядъ на русскій театръ до начала XIX столѣтія“, стр. 20.

[25]) Л. Н. Майковъ. „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій“. Спб. 1889, стр. 256.

[26]) См. ниже, въ главѣ XII, указаніе Лѣствицына.

[27]) Л. Н. Майковъ, стр. 254.

[28]) К. Д. Головщиковъ.

[29]) Храмъ подробно описанъ А. И. Лебедевымъ въ „Ярослав. Губерн. Вѣд.“, 1872, №№ 21—27, ч. неоффиц.

[30]) К. Д. Головщиковъ. „Исторія гор. Ярославля“. Ярославль, 1889, стр. 259.

31) Краткое описаніе иконостаса и царскихъ вратъ помѣщено въ указанной статьѣ Лебедева (№ 22) и въ „Антрактѣ“ (1864, 19 января, стр. 5), а также и въ цитированной выше статьѣ Родиславскаго.

32) „Русская Старина“, 1887, № 1.

33) „Торжествующая Миневра, общенародное зрѣлище, представленное большимъ маскарадомъ въ Москвѣ 1763 года, генваря дня. Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ“.

34) О переводахъ Мольера указаніе встрѣчаемъ въ „Библіограф. Запискахъ“, 1858, № 7, столб. 208, 209.

35) Журналъ Министер. Народ. Просвѣщ., 1858, ч. 98, іюнь, отд. 7, стр. 199.

36) Modrich. „Russia e ricordi di viaggio“. Перев. Д. А. Невскаго. Ярославль, 1893.

37) „Сынъ Отечества“ 1837, ч. 186, ст. Н. Петровскаго: „Праздники и гулянья въ Ярославлѣ“.

38) „Ярославскія Губернскія Вѣдомости“, 1872, № 26, ч. неоффиц., въ статьѣ — „Воспоминаніе объ учителѣ А. П. Петровѣ“. Опера эта, вѣроятно, та самая, которая отыскана и напечатана В. И. Лѣствицынымъ въ „Русской Старинѣ“ (1875, № 6), подъ заглавіемъ „Ставленникъ“. О ней же замѣтка Лѣствицына въ „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (1873, № 14, ч. неоффиц.).

39) „Труды Ярославскаго Губернскаго Статистическаго Комитета“, т. IX. М. 1885.

40) „Древняя и Новая Россія“, 1877, № 4, стр. 371—377.

41) С. Серебренниковъ. „Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, первый основатель народнаго русскаго театра въ Ярославлѣ“ („Ярославскій Сборникъ“, на 1850 годъ. Ярославль, 1851, стр. 109—133).

42) О незначительности фактическаго содержанія статьи Серебренникова и о его заимствованіяхъ говоритъ и В. И. Лѣствицынъ въ предисловіи къ указу Бергъ - Коллегіи („Ярославскія Губернскія Вѣдомости“, 1870, № 30).

43) К. Д. Головщиковъ. „Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, основатель русскаго театра“. Біо - *библіографическій* (?) очеркъ. Кострома, 1894 (Изъ „Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, стр. 24). Авторъ—покойный секретарь совѣта Демидовскаго лицея и мѣстный историкъ - изслѣдователь. Брошюра эта составлена въ значительной части по біографіи Волкова, изд. Ф. Павленкова.

[44]) Подробный указатель всѣхъ литературныхъ матеріаловъ о Волковѣ, въ томъ числѣ и мѣстныхъ, составленъ авторомъ настоящаго очерка и, подъ заглавіемъ „Волковіана“, будетъ, какъ предполагается, напечатанъ въ приложеніи къ полной біографіи Волкова.

[45]) „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1846, т. 16, сентябрь, театральная лѣтопись, стр. 21.

[46]) „Театръ и Жизнь“, 1889, № 247, замѣтка А. Ярцева—„Сто шестьдесятъ лѣтъ со дня рожденія Ѳ. Г. Волкова“.

[47]) Тамъ же; 1889, № 269, статья того же автора „Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій“.

[48]) Подробности объ этомъ сообщены въ статьѣ А. Ярцева: „Возобновленіе и охраненіе забытыхъ могилъ“ („Историч. Вѣстн.“, 1893, декабрь).

[49]) Д. Доводчиковъ. „Театръ въ Ярославлѣ“ „Репертуаръ и Пантеонъ театровъ“, 1847, т. 6, стр. 101).

[50]) Въ статьѣ о Ярославскомъ театрѣ („Пантеонъ“, 1840, ч. 3, № 7, іюль, стр. 109) Ѳ. Майковъ писалъ: „Мы сохраняемъ *Волкову рощу* въ память великаго основателя русскаго театра Ѳ. Г. Волкова“. Рѣчь, очевидно, идетъ о Полушкиной рощѣ, но нигдѣ болѣе не упоминается о ней подъ названіемъ *Волковой*.

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

[3p-]